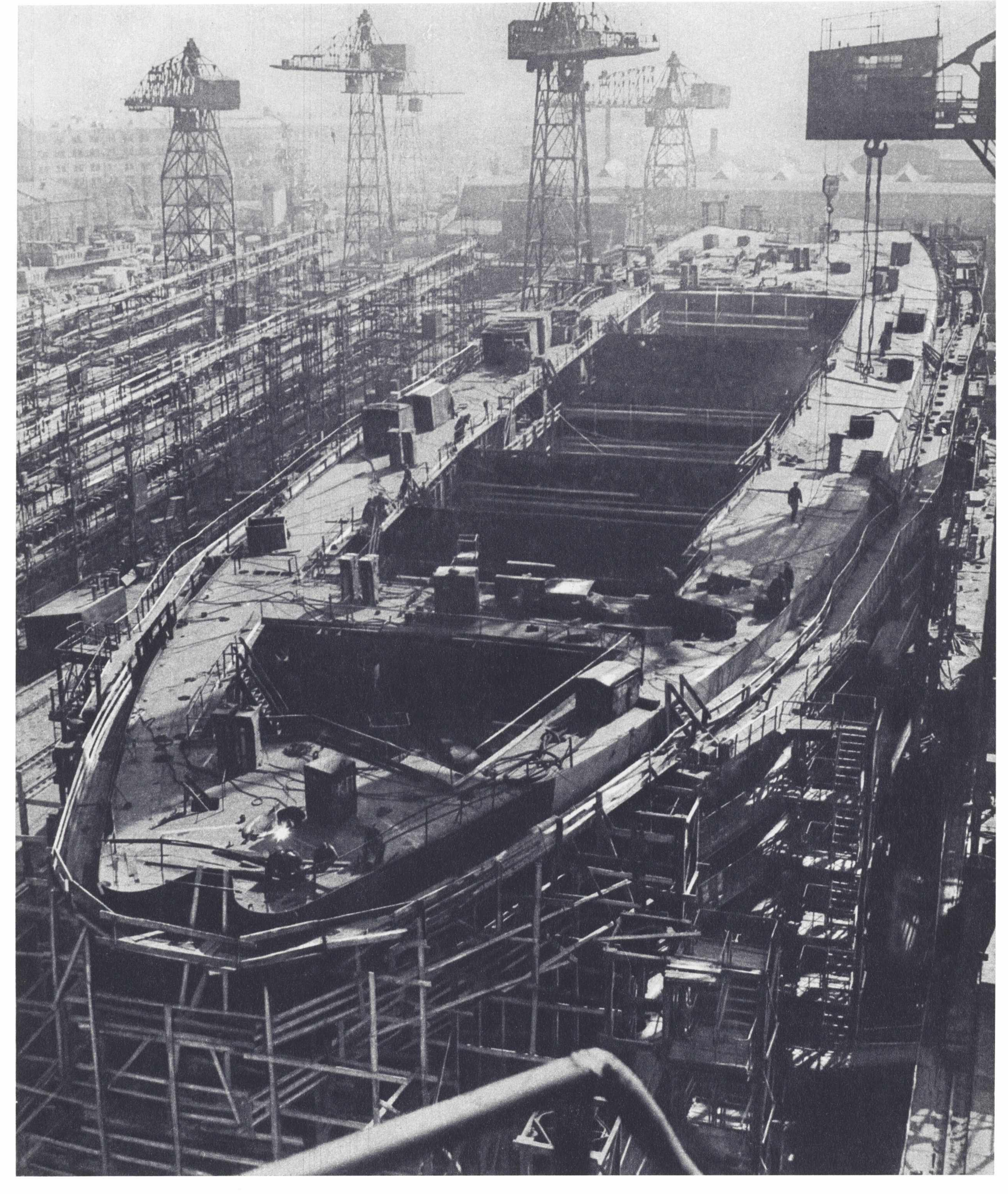

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинград. Строительство атомного ледокола «Ленин».

Фото И. Ганюшкина и Б. Уткина.

На первой странице обложки: Ленинград. Смольный.

Фото И. Тункеля и Б. Уткина.

На последней странице обложки: Чудесный вид на Ленинград открывается с высоты Исаакиевского собора.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 26 (1567) 23 июня 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛЕНИНГРАДУ — 250 ЛЕТ

Слава городу — колыбели Октября, городу-герою!

Горячий привет ленинградцам!

Гордость партии нашей

Михаил ДУДИН

Ленинград!
Город трех революций, народом взлелеянный,
Каждый сердцем твоей истории рад.
Город славы и мужества, имени Ленина,
Песня жизни моей — Ленинград!

Всей земле твои громкие подвиги ведомы.
Ты разведчик рабочего класса. Горят
Боевые знамена твоими победами,
Город светлой мечты — Ленинград.

Ленинград!
Гордость партии нашей, исполненный верою,
Ты пройдешь через сотни побед и преград
На пути к коммунизму дорогою смелою.
Это будет!
Да здравствует наш Ленинград!

Славный, легендарный

Илья САДОФЬЕВ

Красивый, славный, легендарный,
Родной, любимый Ленинград...
Так горделиво, благодарно
Повсюду люди говорят.

Я рад правдивому хваленью:
Я здесь родился, здесь мужал,
Невы державное теченье
Я с детства нежно обожал.

Я шел с тобой, мой город, рядом
И сам все видел наяву...
Не зря тебя, лаская взглядом,
Своим наставником зову.

Движенье жизни трудовое
Рождало гордую мечту,
Свое крещенье боевое
Я получил впервые тут.

А помнишь, как помолодели
На исторической заре,—
Встречая Ленина в апреле
И гнет свергая в Октябре!..

И потому все люди знают,
Как наши чувства горячи
И как на всех путях сверкают
Свободы яркие лучи.

Я сын твой верный, твой соратник,
И мне ль не чествовать тебя,
Когда на праздник
Медный всадник
Спешит, поводья теребя!

СЛОВО О МОЕМ ГОРОДЕ

А. И. КРУГЛОВА,
член КПСС с 1905 года, старейший депутат Ленинградского городского Совета

Я назвала Ленинград моим, а потом задумалась: имею ли на это право? Пожалуй, что имею. Он, конечно, мой город. Выйду из дома на улицу, погляжу кругом, и вся жизнь вспоминается.

Сюда отец мальчишкой пешком из Тверской губернии пришел на заработки. Здесь, на Мытнинской, я и родилась; хибарки той уже нет, а живу по-прежнему на Песках, все в том же, ныне Смольнинском, районе, но в новом большом каменном доме. Тут недалеко был «Александро-Невский приют для приходящих бедных детей» — я росла и училась там. Поблизости коробочная мастерская Воробьева притулилась — туда отец меня десятилетней девочкой определил. А вот и дом № 20 на улице Красной конницы — в прошлом году я сюда приходила отмечаться в списке избирателей. Более полувека назад в одной из квартир этого дома была подпольная явка. Тут меня в июльский вечер 1905 года принимали в партию. Здесь уплатила я первый партийный взнос. А через год на Тамбовской улице, в Народном доме, на митинге впервые слушала речь Ленина — председатель назвал его Карповым: на нелегальном положении был Ильич.

От металлистов «Промета» в семнадцатом году я, паяльщица гранатной мастерской, пошла депутатом в Петроградский Совет, и с тех пор я депутат многих созывов — сперва Петроградского, а потом и Ленинградского Совета. На Охте в канун Октября раздавала оружие красногвардейцам. В Смольном на II съезде Советов слышала, как Ленин провозгласил Советскую власть, а через несколько дней именем этой власти, по заданию Ильича, на Сергиевской улице производила обыск у генерала, отнимала оружие у буржуазии...

Такая у нас, у старых питерских рабочих и работниц, биография, что накрепко сплелась она с улицами и площадями, фабриками и заводами великого города. Вот почему мы с особенной нежностью говорим о Ленинграде: наш, родной, любимый!

Но не только нам, не только ленинградцам, принадлежит он. Его по праву называет родным городом любой человек труда, на каком бы краю света он ни жил, любой, кому дороги свобода и социализм. Ибо здесь, в городе, 250 лет назад возникшем на берегах Невы, на исконной русской земле, жили и творили самые смелые борцы за свободу, за будущее счастье миллионов людей. Здесь поднял свой голос против крепостничества Радищев. В Петербурге на Сенатской площади произошло революционное восстание против самодержавия и крепостничества — восстание декабристов. Отсюда по всему белому свету разнеслись гневные слова Чернышевского и Добролюбова. В здании на Литейном, где заседал окружной суд, подсудимый ткач Петр Алексеев бросил в лицо сенатору слова, которые потом мы, фабричные люди, шепотом передавали друг другу, твердо веря, что так оно и будет: «...Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»

Так оно и было. Ленин, приехавший в Петербург в 1893 году, сплотил, объединил нас и поднял на великое революционное дело. Созданный им петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» явился зародышем революционной марксистской партии в России. Слово Ленина открыло нам, пролетариям, глаза: вот она, настоящая дорога к счастью и свободе! И первой революционной листовкой, попавшей в мои руки, руки молоденькой фабричной работницы, была ленинская листовка «К рабочим и работницам фабрики Торнтона». И первые революционные слова, растревожившие меня, были ленинские слова из той листовки: «Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями».

И мы стойко, неуклонно, до конца вели эту ленинскую линию.

Это в моем городе, городе трех революций, впервые в мире взвилось алое знамя победы угнетенных над угнетателями. Это из моего города во все уголки земного шара разносились раскаты Октября. Это в моем городе рабочие и одетые в солдатские шинели крестьяне впервые свободно и смело во весь голос заявили: «Мы наш, мы новый мир построим!»

В своем родном городе ленинградцы показывали и сейчас стараются показать пример, как надо беззаветно трудиться, перестраивая жизнь на новый лад.

Ленинградские рабочие и работницы были и есть надежная опора Ленинского ЦК нашей партии.

Незабвенный Сергей Миронович Киров когда-то говорил, что старыми в Ленинграде остались только революционные традиции, а все остальное новое. С еще большим основанием повторяем мы эти слова сегодня, в день 250-летия Ленинграда.

Я помню, как в начале нынешнего века отмечалось 200-летие Петербурга. Работала я тогда в мастерской «поставщика двора его величества» Бехли — ныне это кожевенно-галантерейная фабрика имени Бебеля. По случаю юбилея Петербурга хозяин угостил нас чаем и даже выдал по куску пирога. Но на душе нерадостно было, непраздннчно. Что нам до фейерверка на Невском!

Я это особенно остро вспоминаю в нынешние дни, когда гляжу на свою дочь, на внуков, на школьников, к которым иногда хожу в гости, когда сижу среди молодых рабочих бывшего завода «Промет», слушая, как горячо обсуждают они свои обязательства по случаю юбилея Ленинграда и 40-летия Советской власти. Слушаю я их и думаю: правильно сказал товарищ Хрущев — не понять капиталистам душу советского человека. Не понять им, почему наши рабочие и работницы в честь юбилея своего города хотят досрочно выполнить план. Не понять им, почему юбилей Ленинграда для ленинградцев стал действительно большим торжеством. Это по-настоящему наш праздник, потому что теперь это наш город, мы его хозяева. И все, чем славен он, создано трудом не тех, кто забавлялся фейерверком на Невском, а руками «работных людей», трудом прадедов, дедов, отцов наших, создано нами, собственными руками.

Мы хозяева города первоклассной индустрии, дающей стране турбины и генераторы, корабли и текстильные машины, ткани и обувь.

Мы хозяева города передовой науки и техники, города, где на благо народа трудятся ученые, имена которых знает весь мир.

Мне, как депутату Ленгорсовета, хочется сказать еще и о том, как растет и благоустраивается город на Неве. За годы пятой пятилетки на развитие и благоустройство Ленинграда было израсходовано 7,5 миллиарда рублей. За это время в Ленинграде введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью около 3 миллионов квадратных метров. У нас построено метро. А недавно на своей сессии мы, депутаты Ленгорсовета, утверждая бюджет, постановили ассигновать еще бо́льшие суммы на благоустройство города, чтобы был он еще краше. Только на социально-культурные мероприятия предусматривается израсходовать 1 миллиард 485 миллионов рублей.

К нам всегда приезжало много гостей. Одних иностранцев побывало в Ленинграде в минувшем году свыше 30 тысяч. И мы рады, что едут к нам люди разных народов, чтобы взглянуть на красоту нашего города, овеянного славой революции. Много гостей приедет к нам и на юбилей. И всем им мы от души говорим:

— Добро пожаловать в город Ленина!

Из цикла «Волны»

Александр ПРОКОФЬЕВ

* * *

По-молодому — весело,
По-трудовому — рьяно
Живи, мой город песенный,
Высоко в небо прянув:

Иглой Адмиралтейскою,
Да стягом нашим красным,
Да песнею гвардейскою —
Широкою и властной,

Да красотою гордою,
Не знающею равной,
Да волей самой твердою,
Что названа державной!

* * *

...Сердце радо
Вечно быть с землею
Ленинграда,
Вечно ощущать дыханье моря,
Вечно эту землю величать,
Ветру грудь подставить,
с ветром споря,
Кончить спор и вновь
его начать!

Вечно ощущать хочу отраду:
Вашу,
перелески и поля,
И твою,
родного Ленинграда
Революционная земля!

Заглянули мне в очи

Заглянули мне в очи
Наши белые ночи:
С соловьиным весельем,
С горицветом весенним,
С голубою каймою,
На́век отданной морю.

Заглянули мне в очи
Наши белые ночи:
С мелколесьем долинным,
С лукоморьем былинным
И с волшебною сказкой —
Красотой ленинградской!

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

С одним из майских номеров «Огонька» ленинградские подписчики журнала получили короткое письмо редакции. «Огонек» обратился к жителям Ленинграда с призывом вспомнить историю своего города, его сынов и дочерей, его строителей, певцов и защитников, рассказать о Ленинграде и ленинградцах, об участниках великих событий и их наследниках, вспомнить об интересных фактах из героической биографии города, прислать фотографии, воскрешающие страницы его славной истории.

Многие ленинградцы откликнулись на нашу просьбу, и редакция горячо благодарит их.

Так когда-то выглядела Нарвская застава.

Путиловские красногвардейцы у ограды Смольного.

За Нарвской заставой

А. МИРОШНИКОВ,
старый производственник Кировского завода

Уважаемые товарищи из «Огонька»! Посылаю фотографии, которые, на мой взгляд, воскресят в памяти читателей страницы истории нашего города, истории революционной борьбы питерских пролетариев. На одном из снимков читатели увидят Нарвскую заставу, какой она была, когда завод еще принадлежал господину Путилову. Так она выглядела и в мае семнадцатого года, когда к нам приезжал Ильич. Помню, как у проходной взяли мы его на руки и понесли к трибуне. Вот такой она была, Нарвская застава, когда мы, путиловцы-красногвардейцы, шли отсюда штурмовать Зимний. Такой она была, Нарвская застава, когда я прощался с ней, отправляясь к Гатчине в составе Путиловского красногвардейского отряда отражать натиск белых на Питер.

Я помню, как в один из тех боевых послеоктябрьских дней к нам в завком зашел Владимир Ильич Ленин и спросил нас: «Ну как, товарищи, без капиталистов сможете из разрухи завод поднять?» Мы сказали: «Поднимем, Владимир Ильич». И мы действительно подняли завод своими руками, без помощи капиталистов.

Я думаю, что, глядя на фотографии, которые я вам посылаю, читатели журнала, и в особенности молодежь, еще раз добрым словом помянут славный коллектив Путиловского—Кировского—завода. Мы гордимся тем, что он прочно вошел в историю нашего города, в историю всей страны как носитель славных революционных традиций, как могучий арсенал отечественной индустрии, как лаборатория передового производственного и технического опыта.

Нам радостно сознавать, что мы всегда были верной опорой Коммунистической партии. По ее зову шли с Нарвской заставы боевые отряды революционных дружин и в 1905 и в 1917 году. По ее зову путиловцы поднялись на передовые позиции борьбы за индустриализацию страны. По ее зову, когда потребовалось помочь крестьянам перестраивать жизнь на колхозных началах, кадровые рабочие-путиловцы уехали в деревню двадцатипятитысячниками.

На нашем заводе свято хранят и приумножают революционные и трудовые традиции одного из передовых отрядов русского рабочего класса. Мы создаем новые, совершенные машины; на Кировском заводе рождаются новые, передовые методы труда.

По-новому трудится Нарвская застава, по-новому она и живет. И здесь я хотел бы обратиться с просьбой к редакции. Поручите вашему фотокорреспонденту снять Нарвскую заставу, чтобы читатель увидел ее такой, какой она выглядит сегодня в обновленном Кировском районе. Пусть посмотрят, где живут ныне ветераны-путиловцы, участники и творцы трех революций, где живут их дети, где живет новое поколение кировцев, достойно продолжающее дело героев Октября.

А. К. Мирошников.

Этот снимок мы публикуем по просьбе А. К. Мирошникова. Так выглядит сегодня бывшая Нарвская застава, ныне Кировский район. На снимке: площадь Стачек.

Фото Б. Уткина.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ...

В. Н. НОВИКОВ,
Герой Социалистического Труда, председатель Совнархоза Ленинградского экономического района

К этому дому на Разъезжей улице сейчас приковано внимание многих ленинградцев. Тут разместился и начал действовать Совет народного хозяйства Ленинградского экономического района. Председателем Совнархоза утвержден видный инженер, бывший заместитель министра общего машиностроения СССР, Герой Социалистического Труда Владимир Николаевич Новиков. Корреспондент «Огонька» попросил тов. Новикова ответить на несколько вопросов.

Вопрос. Что представляет собой Ленинградский экономический район?

Ответ. В состав Ленинградского экономического района вошли 650 промышленных предприятий и строек Ленинграда и трех областей — Ленинградской, Псковской и Новгородской. В нашем районе — старейшие русские заводы, сыгравшие огромную роль в революционном движении, а затем в индустриализации страны: Кировский, Ижорский, Невский машиностроительный имени В. И. Ленина, Балтийский имени С. Орджоникидзе, Сестрорецкий инструментальный имени Воскова, «Красный треугольник», «Севкабель», «Светлана», «Красный выборжец». Эти заводы, а также «Электросила» имени С. М. Кирова, заводы имени Карла Маркса, имени Свердлова, «Электроаппарат» и другие располагают первоклассными кадрами, ценным оборудованием и богатым опытом производства.

Если говорить об удельном весе ленинградской промышленности, то нельзя обойтись одной цифрой. Надо учесть, что в состав нашего экономического района входят заводы, которые дают больше половины всех силовых агрегатов, предназначенных для оснащения крупных электростанций страны. Примерно такие же данные можно привести и по другим видам промышленной продукции. В прошлом году Ленинград дал стране металлорежущих станков значительно больше, чем их было выпущено в 1913 году во всей России.

Все советские линотипы родились в Ленинграде. В нашем городе выпускается значительная часть электротехнического оборудования и средств связи, оптических и других приборов. Не нужно забывать и роли ленинградских судостроителей в создании отечественного флота. Ленинград в то же время — немаловажный центр легкой промышленности. Около половины всей резиновой обуви, выпускаемой в СССР, дают цеха «Красного треугольника»...

Одним словом, в нашем экономическом районе имеются почти все отрасли обрабатывающей промышленности, ряд отраслей добывающей промышленности. У нас ведутся заготовки и сплав леса...

В нашем городе сосредоточено около 200 научных учреждений, десятки отраслевых исследовательских институтов, проектных и конструкторских бюро. Эта мощная научная база позволяет ленинградской индустрии решать важнейшие технические проблемы. В Ленинграде строится мощный ледокол с атомным двигателем, созданы крупные агрегаты для исследования атомной энергии в мирных целях; освоено серийное производство полупроводников, изготовляются турбины и генераторы мощностью в 200—300 тысяч киловатт, станки для обработки деталей весом в 100 тонн...

Вопрос. Что вы можете сказать об экономических связях Ленинграда с другими районами страны?

Ответ. Это очень важный, если не сказать — решающий вопрос. Во время обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева большинство критических замечаний в адрес министерств касалось как раз экономических связей. Много говорили о дальних перевозках сырья и полуфабрикатов, о нерациональном размещении промышленности. Разумеется, Совнархоз с первых дней займется упорядочением экономических связей. Надо будет решительно устранить нерациональные, а особенно встречные перевозки, максимально использовать внутренние возможности. Но следует иметь в виду особенности ленинградской промышленности и вместе с тем ее зависимость от других экономических районов страны. Нельзя разрушать разумные экономические связи, они остаются и будут укрепляться, и наш долг, долг работников Совнархоза,— решить эти вопросы по-государственному, не допускать местничества...

В связи с этим хочется сказать и о специализации производства. В условиях ведомственной разобщенности многие заводы Ленинграда превратились в универсальные комбинаты, они изготовляли у себя все: и литье, и поковки, и метизы, и мелкий инструмент,— что вызывало огромные перерасходы. Небольшой пример: крепежные болты, которые изготовлялись в неспециализированных цехах, обходились в 7 раз дороже, чем на заводе имени Молотова, где это производство автоматизировано. Производство точного литья, которым сейчас занято 120 заводов Ленинграда, можно с успехом сосредоточить на значительно меньшем количестве предприятий.

Централизация выпуска однородной продукции, последовательная специализация заводов и цехов, разумное кооперирование откроют нам богатейшие резервы.

Вопрос. Расскажите о первых шагах Совнархоза.

Ответ. А я, собственно, и говорю о них. Отраслевые управления Совнархоза свою деятельность начинают как раз с изучения вопросов кооперирования и специализации. Управление электротехнической промышленности (его возглавляет инженер Н. Н. Шевченко, бывший директор завода «Электросила») уже наметило меры по централизации изготовления электромоторов. В этом же направлении работают и другие управления. Но, пожалуй, главное, чем мы заняты на первых порах,— организационная работа. Партийные организации Ленинграда вместе с общественностью разработали структуру Совнархоза. У нас 23 главных управления, и к их руководству привлечены видные инженеры и хозяйственники. Сейчас заканчивается комплектование аппарата Совнархоза.

Вопрос. Как Совнархоз будет привлекать к своей работе новаторов производства?

Ответ. Обсуждение доклада тов. Н. С. Хрущева показало жгучую заинтересованность народа в перестройке управления промышленностью и строительством. Только в Ленинграде в обсуждении участвовало около миллиона человек, получены тысячи ценнейших предложений. Таким образом, народ уже дал в руки Совнархоза богатейший материал. На днях состоялось совещание работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники. Это было деловое и очень полезное совещание. В работе 21 секции участвовало около 15 тысяч человек! Совнархоз, как видите, приступил к работе в обстановке огромной творческой активности ленинградцев, и наша задача — с первых дней завязать крепчайшие связи с людьми. Создается Технический совет, в который наряду с видными учеными и инженерами войдут и передовые рабочие. И сам Совнархоз и его управления будут выносить на обсуждение масс коренные вопросы развития техники и экономики. Мы уже видим, как крепнет содружество заводских коллективов. Завод «Станколит» долго не мог добиться помощи в механизации приготовления земли. Теперь ему помог завод «Красный металлист», и через два дня дело было налажено.

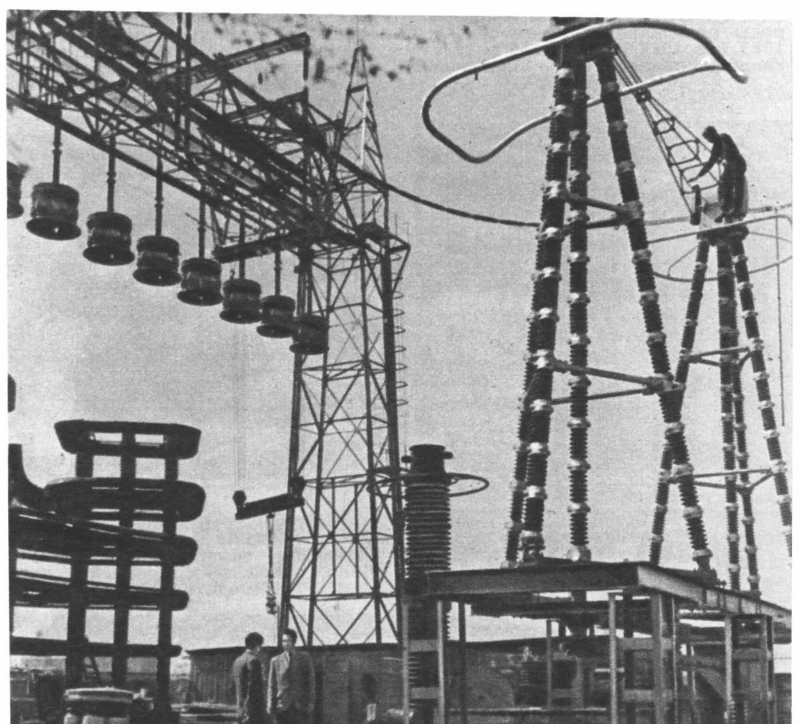
Вопрос. Как отразится реорганизация управления на ходе выполнения плана нынешнего года?

Ответ. Готовясь к реорганизации, работники заводов вскрыли богатейшие внутренние резервы. Если побывать сейчас в цехах, то можно заметить кропотливую деятельность инженеров, мастеров и новаторов над совершенствованием организации производства. Устраняются лишние звенья управления. Небольшие заводы переходят на бесцеховой метод работы. Сокращается управленческий аппарат.

Работники ленинградской промышленности встречают юбилей своего города досрочным выполнением полугодового плана. Это хороший разбег. Если говорить о более дальних перспективах, то подсчитано, что перестройка управления промышленности в нашем районе позволит нам на тех же производственных площадях и не увеличивая числа рабочих удвоить в нынешнюю пятилетку выпуск продукции.

Ленинград. Научно-исследовательский институт постоянного тока. Здесь, в лаборатории техники высоких напряжений, идет подготовка к испытаниям разъединителя и трансформатора тока для транссибирских линий электропередач.

Фото И. Ганюшкина.

Во время торжественной церемонии передачи паровоза выступает с речью Н. С. Хрущев.
Фото В. Егорова (ТАСС).

Бесценный дар

SUOMEN HALLITUS LAHJOITTI TÄMÄN VETURIN SOSIALISTISTEN NEUVOSTOTASAVALTOJEN LIITON HALLITUKSELLE MUISTOKSI NIISTÄ MATKOISTA, JOTKA V. I. LENIN VAIKEINA AIKOINA ON SILLÄ SUOMEN KAMARALLA TEHNYT.

13. 6. 1957

ПРАВИТЕЛЬСТВО ФИНЛЯНДИИ ПОДАРИЛО ЭТОТ ПАРОВОЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В ПАМЯТЬ ТЕХ ПОЕЗДОК, КОТОРЫЕ В. И. ЛЕНИН НА НЕМ СОВЕРШИЛ В ТРУДНОЕ ВРЕМЯ ПО ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ.

Мемориальная доска, закрепленная на паровозе.

Увитый зелеными гирляндами маленький старый паровоз с тремя фонарями впереди давно уже отслужил свой срок. Но ему не суждено пойти на слом, его судьба — стать бессмертной исторической реликвией, реликвией, которая будет бережно сохраняться поколениями.

На этом паровозе Владимир Ильич Ленин, стоя в будке рядом с взволнованным машинистом, ехал в Финляндию: он вынужден был в то время скрываться от преследований правительства Керенского. А затем этот же паровоз доставил В. И. Ленина обратно: в Октябре 1917 года вождь русского пролетариата вернулся в революционный Петроград.

Паровоз № 293... Совсем недавно он был обнаружен в Финляндии. Об этом с радостью узнали миллионы трудящихся.

И вот правительство Финляндии во время дружественного визита Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева передало драгоценный паровоз стране, которая под руководством великого Ленина начала новую эру в истории человечества.

«С волнением принимали мы этот исторический паровоз,— сказал Никита Сергеевич Хрущев на многолюдном митинге у Ленинградского вокзала.— И хочется здесь от вашего имени, от имени всего советского народа, выразить искреннюю и глубокую благодарность правительству и народу Финляндии за этот бесценный дар».

→ Паровоз № 293.

ЕГО ПАФОС — ГРЯДУЩИЙ ДЕНЬ

Академик Д. НАЛИВКИН,
лауреат Ленинской премии

Петербург «есть новый город в старой стране, новая надежда, прекрасное будущее этой страны»,— так восторженно говорил о нашем городе Виссарион Григорьевич Белинский. Самую характерную черту Петербурга Белинский проникновенно видел в том, что это город напряженного труда и великой борьбы, город бурно рождающейся новой жизни, и его пафос — грядущий день.

Удивительно точное и верное наблюдение! Да, весь пафос города — грядущий день. Это городноватор, новатор в самом истинном значении этого большого слова. Да и, собственно, всей своей исторической судьбой он призван был для великих свершений.

Здесь, на берегах Невы, зародилась русская машинная индустрия, ставшая арсеналом обновления для всего отечества. Здесь сложился современный литературный русский язык — язык Пушкина, озаривший, как солнце, шестую часть «земной тверди». Здесь забил родник русской передовой общественной мысли, вершина которой — ленинизм. Современная отечественная наука также зародилась здесь, на Неве...

Уже в 1724 году, через два десятилетия после основания города, Петр создает на Васильевском острове Академию наук, объединившую виднейших ученых того времени. Ее назначение определилось тогда следующими словами: «Академия же есть собрание... ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, причем друг другу вспомогать имеют».

Достаточно назвать одно имя, чтобы понять, чем была Петербургская академия для России уже в первые десятилетия своего существования. Это имя Михаила Васильевича Ломоносова. Почти четверть века он работал в академии. В те годы ученый-энциклопедист сделал величайшие открытия в физике и химии, астрономии, геологии и географии и заложил основу современного естествознания. Буквально одним взмахом гениальный Ломоносов и его сподвижники подняли отечественную научную мысль на мировую вершину.

С той поры Петербург стал одним из признанных центров науки, и все культурное человечество прислушивалось к его живому новому слову во всех сферах человеческих знаний. Это было слово Дмитрия Ивановича Менделеева и Пафнутия Львовича Чебышева, Дмитрия Константиновича Чернова и Александра Михайловича Бутлерова, Софьи Васильевны Ковалевской и Александра Степановича Попова, Сергея Петровича Боткина и Ивана Михайловича Сеченова.

...Каждое из этих имен — яркая страница и поистине поднятая целина в познании мира. Вот одно из многих исторических свидетельств этому. Петербургский академик Василий Владимирович Петров первым открыл явление электрической дуги и прозорливо указал, что она практически применима для освещения, а также для плавления и сварки металлов.

Другой наш согражданин, Николай Гаврилович Славянов, дает промышленности практические средства дуговой электросварки. В нашем городе появилась первая в мире электрическая лампочка накаливания, изобретенная А. Н. Лодыгиным...

Мы, советские ученые, приняли в Ленинграде от прошлого богатейшее наследие и благородные новаторские традиции. Приняли не «умозрительно», а, выражаясь образно, как «эстафету», из рук в руки.

Нам выпало счастье быть современниками таких мужей науки, как великий физиолог Иван Петрович Павлов, отец русской геологии Александр Петрович Карпинский, основоположник теории корабля Алексей Николаевич Крылов, создатель науки о химии земли Владимир Иванович Вернадский.

Я знаю, что эти строки многое воскресят в памяти моих коллег, особенно москвичей, тех, кто принадлежит к школе люминесценции, созданной незабвенным Сергеем Ивановичем Вавиловым, и тех, кто ныне работает над проблемами химической физики вместе с Николаем Николаевичем Семеновым, кто творит рядом с виднейшим представителем вакуумной техники Героем Социалистического Труда Сергеем Аркадьевичем Векшинским. Ведь все они начинали свой путь в Ленинграде.

Более двухсот лет находилась Академия наук на берегах Невы. Ее перевод в столицу, Москву, произошел в 1934 году и был предпринят в интересах дальнейшего развития советской науки. Жизнь подтвердила правильность этого государственного акта. Окруженная сердечной заботой партии и народа, наша наука переживает пору бурного расцвета. У нас в Ленинграде работают сейчас 187 научных учреждений, то есть много больше, чем было до переезда академии в Москву. В их числе есть созданные в самое последнее время.

Так, весьма плодотворна деятельность Института полупроводников, возглавляемая академиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Теперь уже широко известно, что полупроводники, вещества, обладающие электронной проводимостью, призваны произвести настоящую революцию во многих областях промышленности, вытес-

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

С ПОВЯЗКОЙ КРАСНОГО КРЕСТА

Наш завод «Красногвардеец» — один из старейших, его история восходит к петровским временам. Раньше он назывался Заводом военно - врачебных заготовлений.

В заводском музее лежат два экспоната: яркая скатерка ручной работы и белая нарукавная повязка с красным крестом. Скатерку прислали ткачихи Будапешта в знак уважения к женщинам революционного Питера.

Повязку с красным крестом вместе с групповой фотографией прислала из Пскова Ксения Прокофьевна Прокофьева. Эту повязку Прокофьева — работница-большевичка Завода военно-врачебных заготовлений — носила на рукаве в 1917 году. Ксения Прокофьевна вместе со своими подругами организовала тогда в помощь заводской Красной гвардии первую санитарную дружину красных сестер.

Боевым крещением были для них июльские дни, борьба с корниловщиной, штурм Зимнего дворца и юнкерских училищ, бессонные ночи у Пулковских высот.

Л. ГАНИЧЕВ,
работник завода «Красногвардеец».

Первая санитарная дружина красных сестер. 1917 год.

НА СНИМКАХ — ДЖОН РИД

Джон Рид среди делегатов народов Востока в сентябре 1920 года.

На киностудии «Ленфильм» готовится к постановке фильм, в котором развертываются события дней Великого Октября. Для фильма понадобилось много старых документов. Во время поисков было найдено и четыре снимка Джона Рида — свидетеля великих событий в Петрограде, автора знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир». Снимки сделаны в тот период, когда Джон Рид приехал на II конгресс Коминтерна, в июле 1920 года. В сентябре этого же года Джон Рид был на съезде народов Востока в Баку.

К. СТЕПАНОВА,
научный сотрудник.

нив старые, привычные материалы. Их применение приведет к резкому уменьшению веса и размеров машин и приборов, к повышению долговечности и надежности энергоустановок.

Актуальные теоретические вопросы решает коллектив Института высокомолекулярных соединений. В частности, проблемы полимеризации, которыми он занят, непосредственно связаны с получением новых синтетических промышленных материалов — изоляционных покрытий, пластмасс, искусственного волокна.

Особый интерес имеет работа Научно-исследовательского института электромеханики Академии наук СССР. Ленинград — признанный «электрификатор» Родины. Начиная с Волховской гидроэлектростанции имени Ленина, все крупные электростанции вплоть до Куйбышевской и Сталинградской проектировались и получали энергетическое оборудование в Ленинграде. Кстати, один куйбышевский агрегат мощностью в 105 тысяч киловатт—это почти две Волховские ГЭС. Таких агрегатов в Куйбышеве двадцать. А сегодня создаются гидротурбина и гидрогенератор мощностью в 204 тысячи киловатт. Гигантские машины этого типа предназначаются для Братской ГЭС Ангарского каскада.

Я сказал «гигантские», поэтому я должен тотчас же оговориться. Гигантские в смысле мощности, а по своим размерам и весу они будут такими же, какие установлены на Днепрогэсе. Технический проект этих машин готов. С 1959 года начнется их выпуск.

И вот в этом, кстати, также новом институте, на специальных моделях решаются проблемы, связанные с обеспечением максимально эффективной и надежной работы крупнейших электрических установок и сверхдальних высоковольтных передач, каких не было и нет нигде в мире.

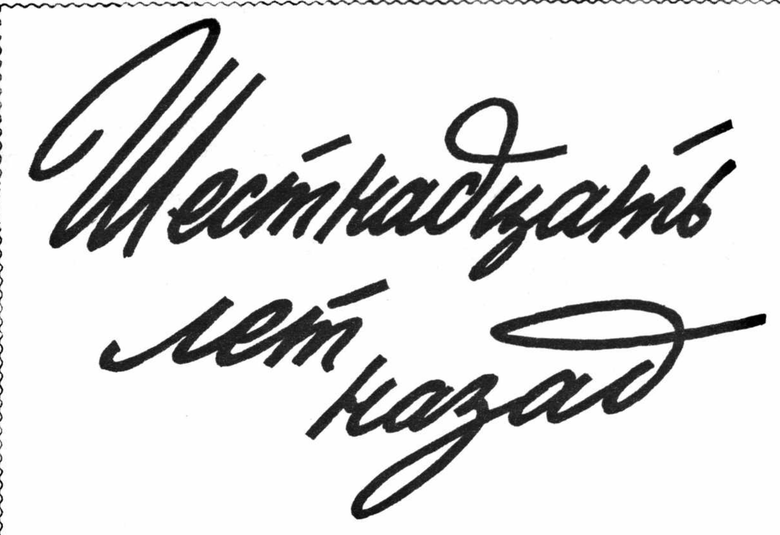
Многие научные коллективы города посвящают свои труды применению атомной энергии в мирных целях. Они приняли самое непосредственное участие в создании уникальной атомной машины — гигантского синхрофазотрона, работающего в Дубне, под Москвой. Что касается радиоактивных изотопов, то ленинградцы нашли им применение даже на шахтах — для проветривания подземных горных выработок.

Этот факт мне, геологу и горняку, особенно приятно подчеркнуть. Читатели, конечно, знают, что советская геология много сделала за последнее время, чтобы расширить наши представления об ископаемых богатствах недр отечества. В этих исследованиях участвовал и участвует большой отряд ленинградских геологов, вооруженный самыми совершенными средствами разведки недр, вплоть до авиации, оснащенной поисковыми приборами.

Чтобы дорисовать образ Ленинграда как важнейшего научного центра страны, как города-новатора, нужно сказать и о том, что он пестует многочисленное молодое племя советской науки.

В Ленинграде около пятидесяти высших учебных заведений, в их числе основанный в 1819 году Ленинградский государственный университет. В университете обучается ныне втрое больше студентов, чем в дореволюционное время. Но, помимо учебной, ведется и огромная научная работа. Столь же значительное место в подготовке кадров занимают Ленинградский политехнический имени М. И. Калинина, Электротехнический имени Ульянова-Ленина, Технологический имени Ленсовета и другие институты. Я горжусь тем, что являюсь одним из первых советских профессоров и уже свыше сорока лет участвую в подготовке молодых научных кадров в старейшем Ленинградском горном институте.

Большая радость для нас, людей старшего поколения, видеть творческий рост наших наследников. Ведь это грядущий, еще более яркий день советской науки. Это ее новые свершения для блага народа.

Сергей ОРЛОВ

В земле по грудь
под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.

По вражьим выкладкам
бесспорным,
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.

С крестом на башне, с пушкой —
в душу
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.

А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли...
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.

Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой, —
Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и не герой», —

Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.

Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированной атаки
От Ленинграда в трех шагах.

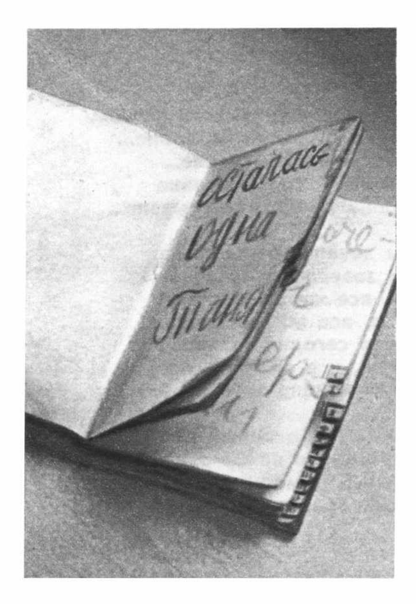
Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.

И кто он был, — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом, в мае,
О нем гремел победы гром.

И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.

Он жив, он с нами, рядом, вот он!
И он сейчас, наверняка,
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька...

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ТАНИ

Страничка с записью Танечки.

Мне хочется рассказать о мужестве и о трагических судьбах ленинградцев в дни блокады.

Я выехала из Ленинграда в феврале 1942 года. Возвратившись в 1945 году, я нашла нашу квартиру запертой, а среди уцелевших вещей, сохранившихся у одной нашей знакомой, мне попалась маленькая записная книжка с алфавитом. Когда-то эта книжка принадлежала мне; я даже нашла на первых страницах какие-то формулы, имевшие отношение к моей конструкторской работе.

Потом я узнала детский почерк своей младшей сестренки Танечки, которая оставалась в городе после моего отъезда.

Приведу несколько ее записей.

На страничке с буквой «ж» Таня записала о старшей сестре:

«Женя умерла 28 декабря 1941 года 12.30 часов утра...»

Потом: «Мама умерла 13 мая в 7.30 часов утра 1942 г.».

...Так по алфавиту я нашла короткие записи сестры о гибели всей нашей семьи. На последних страничках была такая запись: «Савичевы умерли, осталась одна Таня...», «Умерли все...»

Женщина, у которой Таня жила после того, как осталась одна, отправила девочку из Ленинграда с детским домом. Сестренка была так слаба, что, вероятно, не выдержала пути. Мои долгие поиски не увенчались успехом.

Так из большой нашей ленинградской семьи остались я и брат Михаил, сражавшийся в годы войны в партизанских войсках. Записная книжка Танечки хранится в музее истории города.

Н. САВИЧЕВА,
старший техник
«Теплоэлектропроекта».

ТОВАРИЩИ, ОТКЛИКНИТЕСЬ!

Это фото сделано в Ленинграде в дни обороны города.

В суровые дни блокады Ленинграда сформировалась наша артиллерийская часть. Артиллеристы гвардии полковника Антонова стояли насмерть, отражая атаки врага.

Фронтовая дружба и вера в своих боевых друзей помогали в самые трудные минуты.

В честь этой фронтовой дружбы мы и сфотографировались.

Потом мы наступали на Запад, штурмовали Берлин. Война разбросала нас по фронтовым дорогам... Потерялись номера полевых почт, не удержались в памяти и фамилии отдельных товарищей.

А как хочется знать, где они теперь!

Посылая фронтовое фото, я надеюсь, что мои боевые друзья-артиллеристы откликнутся, подадут о себе вести.

И. СЕНЧА,
гвардии майор запаса, пенсионер.

Голос молодости

Из новой книги

Виссарион САЯНОВ

ПОКОЛЕНЬЕ

Мы себя, пожалуй, не жалели,
Сил своих совсем не берегли...

Второпях свои мы песни пели,
А в чужих напевах не нашли
Силы той, что двигала громами,
Силы той, что управляла нами
В ежедневных будничных заботах
И в больших деяниях земных.

Мы на всех житейских поворотах
Верили лишь в правду дел своих...

Что сказать! Мы очень трудно жили,
Сил своих совсем не берегли,
Мы порой без спросу в дом входили,
Кой-где двери кулаком открыли,
Кой-где, может, второпях прошли
Мимо счастья тихого и мимо
Ждавшей нас сердечной теплоты...

Но скажи, далекий правнук, ты:
Разве мы не правы, и неужто
Можно было по-другому жить
В наше время, время грозовое!
К берегам грядущего доплыть
Можно, лишь забывши о покое.

Молодость свою я славлю вновь,
Громкую, как выстрел, славлю дружбу,
Чистую, как снег в горах, любовь!

* * *

Из Африки горящей пароходы
Плывут сквозь ночь и сквозь неверный
свет...

В суровые сороковые годы
Я помню ночь, которой равных нет.

Гудят во мгле ливийские просторы.
Мужает век, и я старею с ним.
Как хорошо, что есть на свете горы,
Где на заре костров походный дым
Нам означает время и веленья,
Которые исполнить предстоит!..

Все испытает наше поколенье,
Но знать не будет боли слова «стыд».

ЗНАМЕННЫЙ ЗАЛ

Вхожу с друзьями в зал краснознаменный
И вот опять нежданно узнаю
На тихой перекличке поименной
В холодный вечер молодость мою.

Она спешила в жаркий день Чонгара,
Озарена лишь слабым светом звезд,
Ползла в крови по плитам тротуара,
Перед атакой вставши в полный рост.

Чего она в боях не испытала!
Куда не рвáлась в правоте атак!
И вот горит над ней простреленный и алый,
В сраженьях многих побывавший стяг.

Нет украшений никаких на нем —
Ведь шли мы в бой не под раскаты
маршей,—
Но на поверке он горит огнем,
Весь в чистой славе молодости нашей!

ЭСТОНИЯ

Говор колес монотоннее.
Тянет прохладой с полей.
Вот ты какая, Эстония,
В утренней славе своей.

Словно из «Кáлевипóэга»,
Словно из дедовских лет,
Снова приходит героика
В этот дождливый рассвет.

Видел тебя я в скитании
И полюбил горячей
Нив придорожных мелькание
В отблеске белых ночей.

Ты красотою неяркою
Душу мою полонишь
И в перелеске с фиалкою
Белою ночью стоишь.

Здесь, на земле Кингисеппа,
Чувствуешь сердцем сильней
Твой удивительный эпос
В мощи твоих сыновей.

* * *

Город незнакомый
Над седой рекой.
Сколько здесь черемух!
Тишина. Покой.

Из окна видна мне
Красная стена,
И тропа за камнем
Хорошо видна.

Что мне здесь приснится!
Что я здесь найду!
Вспыхнула зарница
В чужом саду.

Город незнакомый,
Стань же мне знаком,
Ведь повсюду дóма
Я в краю родном!

Там, где от черемух
Особенно темно,
Подойду я к дому,
Постучусь в окно.

И в ответ услышу:
— Заходи, родной!
Ведь под этой крышей
Друг твой фронтовой...

* * *

Мы любили друзей, и чем дальше
От России страна их была,
Тем врывалась стремительней в марши
Та любовь, что нам сердце прожгла;

Тем мы ждали восторженней встречи;
Тем тревожней глядели в окно,
И недаром в далекий тот вечер
Все сиянием озарено.

Как беспомощно было начало
Разговора с друзьями в тот год,
И что к сердцу тогда подступало —
Это только ровесник поймет!

Англичане, французы... Про Лондон,
Про Париж разговоры идут,
Обещанья уверенно, гордо
Повторяет нам ласково тут
Невысокий француз в рыжеватом
И потрепанном сильно пальто...
Как положено тут дипломатам,
Не держал себя, право, никто.

Мы восторженно долго шумели,
По-французски с грехом пополам
Напоследок мы песню запели,
И француз наш расплакался сам.

Что случилось потом! Непонятно.
Только к нам из далекой земли,
Только к нам почтальоны обратно
Наши письма все враз принесли.

Мы в газетах потом прочитали
О расстрелянном друге рассказ...
Сколько было и слез и печали,
Обо всем не расскажешь сейчас...

Но недаром с рассветною новью
Ждем к себе издалёка друзей:
Ведь мы платим за дружбу любовью,
А придется — и кровью своей.

ВЕНЕЦИАНКА

В холодный день светлы твои каналы,
С утра мелькают весла по волне...
Я видел это, кажется, во сне...
И в наступившей сразу тишине
Летит в волну цветное покрывало...

Да, это ты зовешь, венецианка,
Да, это ты зовешь из полусна!
Невидимая, все же ты видна,
Неслышимая, все же ты слышна,
Зовешь меня сегодня спозаранку,
Зовешь меня, и в звонкой тишине
Твое лицо обращено ко мне.

Идешь сквозь гул осенней непогоды,
По всем путям, что вечер озарил,—
И вспомнились немеркнущие годы,
Когда Россию Грамши полюбил.

* * *

Голос твой издалёка мне слышится,
И, как прежде, рука так тепла,
И легко мне, и радостно дышится,
Словно молодость снова пришла...

И. И. Бродский (1884—1939). В. И. ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

В. А. Серов. ЖДУТ СИГНАЛА. ПЕРЕД ШТУРМОМ. 1957.

ДИНАСТИИ ПИТЕРСКИЕ

Георгий РАДОВ

Фото Б. Уткина и И. Тункеля.

1. Юбилей дома Душенковых

Рассказали, что за Невской заставой живет человек, а именно Душенков Александр Васильевич, который вот-вот будет отмечать семейный юбилей — двухсотлетие работы на Невском заводе. Слышать это было странновато: самому Невскому заводу недавно стукнуло сто лет. Но объяснили, что нет ничего странного.

Если сложить вместе рабочий стаж Душенковых: деда, отца, сыновей, дочерей,— как раз двести лет и наберется. И предупреждали: поторопись, мол, к Душенкову, напомни, а то человек он занятой, как бы в хлопотах не проворонил юбилейную дату...

Невская застава — не парадный район нашего города. Вот сестра ее, Московская застава,— эта принарядилась так, что выйдешь, допустим, на Московский проспект, где-нибудь за «Электросилой», и враз забудешь, что находишься в 250-летнем городе. Все новое за Московской заставой: и заводы, и улицы, и дома, и деревья. А за Невской, хотя и она порядком перестроена за советские годы, все же нет-нет да и мелькнет старина, и старина особенная: не обновишь ее свежей краской, как, скажем, обновили дома на Невском проспекте. Она же раньше нищенствовала, Невская застава, ютилась в «углах» ветхих домишек,— они-то, домишки эти, кое-где уцелевшие, и напоминают о прошлом. Да и заводы тут, за Невской, — чуть не сплошь старики, смотрят на мутноватую весеннюю Неву прокопченными корпусами.

— Кажется, проворонил! — сказал Александр Васильевич Душенков, когда, зайдя к нему, я напомнил о семейном юбилее.— Ошибся, понимаешь ли. Попросили газетчики подсчитать, сколько лет мы, Душенковы, отдали заводу, ну я и брякнул: сто девяносто шесть. А оказывается, теток-то не учел, а они-то, тетки, тоже работали!

Наследник двухсотлетнего рода — невысокий, лобастый пятидесятилетний человек в синей спецовке — стоял посреди огромного, светлого цеха. Вокруг разноголосо пели станки. Над головой, слегка покачиваясь, проплывал корпус новой машины.

— Перестроечку провели,— сказал Душенков, окидывая взглядом цех. — Провели перестроечку с нормами, тарифами, а теперь эта перестройка нас же по пяткам хлещет! Ну да об этом после. Пойдем ко мне.

Ко мне... Собственно, Душенков — технолог участка — и тут, внизу, был у себя, но у Душенкова — секретаря цехового партийного бюро — была еще комната наверху.

— Да, да, бесхозяйственно мы относимся к истории нашей,— сказал Душенков, когда мы поднялись.— Какой-нибудь там граф, князь или иной паразит, он, черт его дери, даже пуговицы от дедовских мундиров держал под стеклом. А у нас от деда-труженика и карточки не осталось, да вряд ли он, дед, и снимался. А от отца только и сохранился какимто чудом судебный приговор. Когда его на заводе черносотенцы убили, долго мать судилась с хозяином Семянниковым насчет пенсии. Семеро тогда осталось на руках у нее: три сына, четыре дочки. А год четырнадцатый. Война.

Он вздохнул, задумался, махнул рукой:

— Хотя что проку в карточках, в экспонатах? Память-то живет! Возьми-ка Бабушкина Ивана Васильевича. Давненько нет в живых тех, кто работал с ним в мастерской, а спроси-ка у наших комсомольцев — они тебе Бабушкина как отца родного опишут. И место покажут, где он слесарничал. Вот так же и с моей родней: ни я, ни старший брат, Иван, не застали деда, а помним! По цепочке, от старших, память передалась. Ох, он бунтарь был, дед Михайло!

Давние, давние времена... Володя Ульянов еще бегал в Симбирскую гимназию, а тут, в Питере, уже воевали с царем. В ветреный апрельский день восемьдесят первого года родоначальник рабочей династии, огромный, кряжистый молотобоец Михаил Душенков, стоял на Семеновском плацу. Впереди неподалеку суетились солдаты, готовили снасть палачам. Приговоренные к казни «первомартовцы» стояли кучкой с непокрытыми головами. Знакомый Душенкову заводской котельщик Тимофей Михайлов расцеловал Софью Перовскую и смело шагнул к эшафоту... Давние времена! О чем думал Душенков, неграмотный тверской мужик, только три года как ставший рабочим, — о чем думал он, возвращаясь с казни к себе в смрадный «угол», где ждала его семья — жена и шестеро малышей?! Невозможно доподлинно воспроизвести мысли Душенкова, но вот случаи, которые по цепочке переданы внукам, — и они, эти случаи, позволяют угадать настроение молотобойца... Вот схватил он за грудки мастера, хозяйского подлипалу, швыряет его на пол... Вот он, узнав, что хозяева завода вновь задумали снизить заработок кузнецов, первым бросает кувалду. Шабаш! Забастовка!

— Что еще рассказывали о деде, Александр Васильевич?

— Об этом и рассказывали: бунтовал. Ну и еще вспоминали: велик был... Когда угол снял, кляли его другие постояльцы: экую же громадину принесло — разляжется, всю комнату займет.

И отец вырос бунтарем. Но иным ветром подуло за Невской заставой. Уже действовал Красный дом, воскресная школа для рабочих, и молодой Василий Душенков потянулся к книжкам. А преподавала в той школе Надежда Константиновна Крупская. А однажды слесарь Иван Бабушкин дерзко вывел на классной доске простое распространенное предложение для грамматического разбора: «А у нас на заводе скоро будет стачка». И молодой помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, уже создавший свою знаменитую книгу о том, что такое «друзья народа» и о том, как они воюют против социал-демократов, зачастил в воскресную школу и однажды через учительницу передал просьбу к рабочим-ученикам: «Напишите сочинение на тему «Моя жизнь», — а потом долго сидел над тетрадками, размышляя о судьбе народа. Вот в какую пору начинал Василий Душенков свою рабочую биографию! Встречался ли он с Лениным?

— Нет, наверное,— подумав, говорит Александр Васильевич.— Я уже прикидывал: даты не совпадают... Ильича арестовали в декабре девяносто пятого, а отец поступил на завод в девяносто седьмом. Не встречался, по всей вероятности. Хотя, если глянуть с другой стороны... В девяносто четвертом году ишь как бушевали семянниковцы! Под рождество взбунтовались, разгромили контору, сорвали с ворот двуглавого орла. Пожарные примчались, принялись поливать бунтовщиков ледяной водой. Вот тут батя наш — а был-то он парнишкой-подростком,— тут-то он в первый раз и показал характер: перерубил пожарные шланги. Ну откуда, скажи, у него объявилась такая бунтарская повадка? От отца? А может, не только от отца? Припомни-ка историю: как раз по поводу этих событий Владимир Ильич и Бабушкин и написали первую листовку. Может, читал ее отец? А может, от старших слыхал?

Об отце Александр Васильевич говорит негромко, неторопливо. Часто примолкает, задумывается, видно, опасаясь, как бы не исказить образ неточным словом. Сам он смутно помнит отца. Но мало ли длинных вечеров провел он, слушая рассказы матери, стар-

Александр Васильевич Душенков с рабочими турбинного цеха.

ших братьев... Был отец великолепнейшим мастером своего дела, да к тому же и по натуре душевным, чутким к чужой беде: таких любят... Он кормил семерых детей и жену, да еще взял в дом маленькую племянницу. После изнурительнейшей смены уезжал рыбачить на Неву, чтобы был в доме хоть какой-то приварок к хлебу. И этот-то мягкий с виду человек, отец огромного семейства, не щадя себя, смолоду вошел в самую гущу борьбы. Вот летит пух по комнатушке Душенковых: жандармы ищут «запрещенные» книжки, и перепуганные дети жмутся к отцу, а он, спокойный, стоит у дверей — ничего не найдете, господа: Душенков осторожен... Вот раздается стук в окно, и отец уходит в ночь, на явку... Вот сидит он у коптилки, зубрит, а в воскресенье уходит в школу... Вот в студеное январское утро он — уже большевик, член ленинской партии — уговаривает рабочих: не ходите к царю, нарветесь на пули... А не уговорив, сам идет вместе со всеми и, шатаясь, избитый, возвращается домой, и мать прикладывает примочки к кровоподтекам, а он утешает: «Нич-чего, мы еще с ними поквитаемся, Лиза». Вот в двенадцатом году он собирает деньги на «Правду».

Его убили в четырнадцатом. Гад-черносотенец задавил Василия Душенкова железнодорожным краном, и родная застава хоронила его. Впереди шел поп, но на могиле звучали большевистские речи. А десять лет спустя, когда уже восторжествовало дело, за которое погиб Василий Душенков, но страна была в трауре: похоронили Ленина, — вдова большевика Елизавета Душенкова стала коммунисткой, и сыновья, подрастая, один за другим вступали в партию. И как угодно можно теперь судить: совпадение это или закономерность, но одним из первых новаторов Ленинграда стал сын революционера, токарь Александр Душенков, и именно его приглашали на совещание в Кремль. И Серго Орджоникидзе предоставил ему слово...

Эти времена поближе, их помнит Душенков. Хочется узнать подробнее, как он тогда отличился...

— А, отличился! — отмахивается он.— Делали мы, понимаешь, первую советскую воздуходувку, ну и прославился завод, а вместе с заводом и мы. Я работал на крупном станке, можно сказать, при ней, воздуходувке, был уникальный токарь, вот и обратили внимание. А скорости я любил. Ох, как любил!.. Это мне нож по сердцу — медленные обороты. Пластинки достал твердого сплава. Тогда это было в диковину...

Он закуривает и машет рукой, словно отсекает прошлое.

— Нынче посложней дела! Небольшую революцию совершили мы в масштабе завода. Ва-ажная революция!

«Небольшая революция» — пересмотр норм и тарифов. Девять заводов страны, и среди них старейший — Невский машиностроительный,— вот уже около года работают по новым нормам и тарифам. Что это означает?

— А вот гляди.— Душенков берет лист бумаги.— В прошлом году какова была средняя выработка в цеху? Двести сорок процентов. Двести сорок! Любой неопытный обследователь нам в ножки кланялся, да и мы порой королями ходили,— шутка ли, этакая цифра! А на самом-то деле всякий мало-мальски знающий человек понимал, что это фикция. Опа-асная фикция! Парнишка, ремесленник, приходил к станку и, вот тебе, через полгода давал полтораста процентов. Герой! Подступись-ка к нему... Нормы были занижены. И не только занижены, а не обоснованы технически. По-научному назывались опытно-статистическими, а попросту — как бог на душу положит... Думаешь, раньше этого не понимали? Понимали! А что было делать? Повышать нормы? Но тарифы-то у нас остались, как говорится, от царя-гороха и трогать их было нельзя: закон! Вот и вытягивали заработок нормой. Если случится простой в цеху, рабочий особенно не волновался: все едино, мол, мастер натянет, подкинет пару часов. Все неполадки перекрывались нормами. А какой торг шел! Одна работа «выгодная», другая «невыгодная»... Можно было так дальше жить? Поломали!

«Поломали!» — это он сказал решительно и пристукнул кулаком по столу. И принялся объяснять, как поломали. Ученые из института, и заводские технологи, и цеховой народ полгода скрупулезнейше занимались каждой нормой. О, она была вовсе не проста, «небольшая революция»!.. Высшую сознательность, неподдельную честность явили коммунисты цеха. Пришлось кое-кому отказаться от «выгодных» работ, от легких заработков, а мастерам проститься с «резервом», который спасал их в трудные минуты. Порой технологи ошибались «в пользу» рабочего, намечали низкую норму, и тогда цеховые коммунисты — он, Душенков, и Валентин Тулин, и старейший расточник Борис Клемм, и Владимир Становой, и Сергей Лапин, и Василий Виноградов, и бригадир Симеоненков — явно «в ущерб себе», по чести, по совести говорили: нет, тут ошибка, надо поднять!

И вот вчетверо больше стало в цехе технически обоснованных норм. И пересмотрена тарифная сетка. А на доске показателей, там, где еще вчера красовались парадные, но фиктивные двести сорок процентов, сегодня мы читаем цифры скромные, но истинные: сто двадцать, сто тридцать... Зато производительность труда в цехе — настоящая, не фиктивная — выросла за полгода на одиннадцать процентов.

Да, вот она какая, «небольшая революция». Доволен Душенков? Нет, озабочен, и не на шутку! Новые нормы обнажили все язвы цеха. Все дурное, что еще вчера скрывалось, «перекрывалось» громкими процентами, теперь поперло наружу! И простои, и рутина, и распущенность — все теперь на виду. И заводские коммунисты, которые сами, по доброй воле, устроили себе неспокойную жизнь, они же теперь должны и воевать, и учить людей, и подтягивать, и думать, думать над новшествами... А тут еще просчитались с прогрессивной оплатой, зарплата опередила производительность, и пришлось поправлять на ходу, и кое-кто из рабочих, отхвативших в первые месяцы лишние «тыщи», теперь обижается, сердится. И снова надо учить и воспитывать. А впереди новая «небольшая революция» — переход на семичасовой рабочий день. И опять-таки надо готовиться, чтобы цех за семь часов дал не меньше, чем за восемь...

Душенков ушел со станка после войны. Он был контужен в боях за Ленинград, и врачи приговорили: станка не касайся! Токарь стал технологом, но станочники говорят: нет худа без добра — технолог с двадцатилетним токарским стажем вполне их устраивает. «Высока норма? Непосильна? — спросил он как-то у паренька.— А нука посторонись, друг, я попробую». И стал точить. А через два часа сконфуженный паренек взмолился: «Да пустите же меня к станку, Александр Васильевич! У вас же контузия!» «А норма как?» «Ну, господи, что норма? Подходящая норма»...

Потом, вернувшись с завода и беседуя в просторной квартире Душенкова, я вспомнил о семейном юбилее. Как же с ним? Проворонили или нет?

Душенков взялся за карандаш. Написал короткое слово «дед» и пошел и пошел подписывать одно за другим имена: отца, матери, дядек, теток, себя, сестер, племянников. Подвел черту под длинным реестром, написал: 208 лет. Давненько же проворонили юбилей... Попробовали взять на учет и тех родичей, которые работают на других фабриках и заводах города, и оба ахнули, поразившись: 350! Триста пятьдесят лет труда отдала городу и народу династия Душенковых!

— Ишь ты! — сказал Душенков.— Триста пятьдесят! Это, выходит, еще в седьмом году могли мы праздновать трехсотлетие дома...

Взволнованный громадностью цифры, он притих, задумался. Что возникло перед его глазами? Или горы металла, переделанные душенковскими руками в корабли, паровозы, воздуходувки, турбины? Или бунтующий дед? Или отец, читающий рабочим ленинскую «Правду»? Или он сам, Александр Душенков, на трибуне кремлевского совещания? Или опять-таки он сам на снегу под минометным огнем? А может, подумалось о сегодняшних «небольших революциях»? О том, что ждет и требует страна от цеха турбину для газопровода Ставрополь — Москва? Или о том, что вчера на экономической конференции подсчитали: серийную, давно освоенную турбину можно делать не за двадцать одну тысячу часов, как сейчас, а только за двенадцать? И чтобы сберечь эти девять тысяч часов, вновь предстоит воевать ему, Душенкову...

За окном виднелась улица Невской заставы. Обычная ленинградская улица, по которой когда-то шагал к рабочим Владимир Ильич. Кто это сказал: «Камни хранят историю»? Нет, подумалось: какие там камни?! Люди!..

2. Бубновы

Пятый час сижу в небольшой квартире старого, недавно принарядившегося дома на Невском проспекте, а хозяин Александр Петрович Бубнов все рассказывает о том, как он, токарь «Старого Парвиайнена», еще до рабфака (рабфак был позже) и до Промакадемии (ее он оканчивал еще позже), как он, член партии, взявшей на себя руководство Россией, учился управлять фабрикой... Слушать его приятно до чрезвычайности. Но одна мысль не дает покоя: да ведь вот же он, рядом, человек, который был неподалеку — в нескольких шагах — от Ленина в ту историческую минуту, когда с трибуны лидер меньшевиков объявил, что нет в России партии, которая бы одна согласилась взять власть, а Ильич, чуть приподнявшись и вскинув руку, задорно бросил притихшему залу и миру:

— Есть такая партия!

Бубнов тогда опоздал на заседание Съезда Советов и, чтобы занять место, прошел мимо Владимира Ильича и все оглядывался, не спуская глаз с вождя партии. Он впервые видел Ленина так близко, а имя его узнал еще в пятом году на маевке в Ельце от заезжего агитатора, и тотчас же после маевки провел забастовку на фабрике, и как зачинщик был вышвырнут за ворота. А потом Питер, знакомство с рабочими-большевиками, и вот летом шестнадцатого года его приглашают на тайное собрание и принимают в партию, а следующее собрание проходит в комнатушке самого Бубнова...

Теперь Александра Петровича часто зовут к рабочим, студентам, служащим. Порой его беседой заменяют лекцию, и люди дивятся, расходясь: «Вот лектор! Старенький, а с каким огнем!» Иногда спрашивают: «А как же это вы так выступаете: без бумажки, без текста?!» «Так уж меня учили,— пожимает он плечами.— Так учили говорить с народом: из души в душу. Черта с два бы мы подняли людей на восстание, если бы выходили к ним с бумажкой и нудно читали проповеди!» И всегда предупреждает: «Примите во внимание, товарищи, я не имел счастья работать рядом с Владимиром Ильичем. Я рядовой коммунист...»

Рядовой... Собственно, и хозяйственником он был рядовым. Не вышел ни в министры, ни в начальники главка. Да, пожалуй, на взгляд придирчивого кадровика и послужной список Бубнова покажется не очень благополучным: взлеты, спады... Но раздумаешься, порасспросишь людей, вчитаешься в документы и, боже мой, сколько же в этом «неблагополучии» увидишь прямодушия, смелости, сколько рукопашных жарчайших схваток с рутиной, косностью, трусостью, шкурничеством, стяжательством!.. Вот он, большевик, еще неопытный и не очень грамотный, принимает фабрику и видит непорядки: брак, расточительство, нормы занижены — и примечает, что непорядки эти кое-кому выгодны не только «внизу», но и «наверху», в тресте. И он ввязывается в ожесточенную драку и с «верхом» и с «низом» и побеждает потому, что его подпирают подлинные низы — рабочие: они видят в директоре своего человека, понимают его и верят ему. Вот принимает он «прорывной» завод, и обнаруживает полуторамиллионный убыток, и пускается в поиски, и находит порочнейшую систему учета сырья, и замечает, что опять-таки эта система кому-то выгодна и «внизу» и «наверху», — и снова драка. И так шаг за шагом: отстающая фабрика — драка, отстающая фабрика — драка... И не всегда победа! Прямодушного, не привыкшего дипломатничать Бубнова порой подстерегают бюрократы, и бьют наотмашь, и валят с ног, но он поднимается и вновь

рвется в битву. «Неблагополучный» послужной список старого большевика... Какой это урок для осторожненьких, для боящихся «испортить отношения», для «смирненьких» и трусливых!

Мы беседуем вдвоем, домашним не до нас: готовятся отметить день рождения дочери Майи. Приезжает с работы и сама именинница, прислушивается к разговору, а мы толкуем о том, что Бубнов собирается в колхоз проведать земляков. Дочь качает головой:

— Да ты романтик, папа!

— Это почему? — оборачивается отец.

— Зачем поедешь в колхоз?

— Да ведь зовут. Непорядки!

— А что же там, райкома нет? Скажи тебе, что в Антарктике непорядки, ты и туда помчишься? Семьдесят три года! Тебя в санатории ждут. В Кратове.

Выясняется следующее: Бубнов несколько лет назад навестил земляков, обнаружил непорядки в колхозе и по всегдашней своей привычке ввязался, повел бой, так сказать, на «чужой» территории, но проку не добился и поехал в Москву, там выхлопотал подмогу. В колхозе выбрали хорошего председателя, дела настроились, и земляки прислали благодарственное письмо. Три года было спокойно, и вот снова тревожные вести...

— Поедешь?

— А ты бы не поехала?

Они стоят друг против друга, большевики двух поколений...

Отец, низенький, с крупными, очень подвижными руками, задорно вскинув голову, разглядывает дочь светлыми, на редкость ясными глазами: не замутили их ни годы, ни боли, ни неудачи. Дочь и ростом и глазами в отца. Девушке этой, как и многим ее подружкам, довелось провести юность в осажденном городе. Восьмиклассницей она сколачивала ящики для мин, дежурила на крышах, тушила зажигалки, бегала в школу за блокадным пайком — конфеткой и миской дрожжевого супа — и, наконец, слегла, а поправившись, нагнала одноклассниц, окончила школу, поступила в университет, а оттуда уехала учительствовать в село. А потом ее выдвинули на комсомольскую работу, и снова болезнь: видно, сказалась блокада — и «легкая» работа на кафедре политэкономии института. Работа «легкая»: Бубнова уезжает в Пушкин спозаранку, а приезжает в сумерках, и иначе нельзя: надо же и помогать комсомольцам и участвовать в редколлегии многотиражки, а потом надо же и самой готовиться в аспирантуру.

Помолчав, она упрекает отца:

— Нет, это анархизм в конце концов: получить письмо и ехать бог весть куда! Там же есть свое руководство!

Отец прищуривается:

— Т-так, свое... А что ж ты за детскую книжечку воевала? Там-то, в издательстве, тоже свое руководство. Не анархизм с твоей стороны?

Выясняется: в Ленинграде подготовили книжку стихов известного французского поэта, но издательские умники «зарубили» ее, и тогда коммунистка Майя Бубнова и еще два учителя, которым так же «не было дела» до издательства, как и Бубнову до дальнего колхоза, вступились за книжку, помогли отстоять ее, и она уже выпущена.

— Не анархизм?

— Да книжка-то нужная! — горячо возражает дочь.

Она уходит, а отец качает головой:

— Хара-актер! — и пожимает плечами, словно бы не может уразуметь, да откуда же он взялся у дочки, такой неукротимый характер.

...Две недели я не был у Бубновых, а в эти-то дни и стряслась беда: инфаркт сразил Наталью Павловну... Еще накануне она хлопотала по дому, играла с внучкой, подтрунивала над мужем, и вот слегла, а неделю спустя Александр Петрович с товарищами-коммунистами выносил подругу из того дома, в котором она спасла столько людей...

Много лет эта женщина писала в анкетах неуклюжее слово «домохозяйка», хотя вполне могла написать «хозяйка города»: дважды Бубнову избирали в Ленинградский Совет. По натуре властная, неуступчивая, она воевала за ясли, подбирала в подворотнях беспризорников, бушевала в приемных директоров, и однажды чья-то злая рука написала на нее пасквиль в газету, обвинив в самоуправстве. «Ничего, — отмахнулась Бубнова, — лучше пусть бранят депутата за самоуправство, чем за бездеятельность». Потом случилось несчастье: «на нервной почве», как заключили врачи, Бубнова почти полностью потеряла зрение. И вот эту-то женщину, члена Общества слепых, в начале войны назначили управхозом большого ленинградского дома...

Управхоз! Что ж, людям, прожившим в незатемненных городах, ровным счетом ничего и не скажет это мирное слово. Но ленинградцы частенько говорят, что активистке-управхозу блокадной поры не грех бы воздвигнуть монумент рядом с памятником солдату. В дни, когда в городе не было ни света, ни воды, ни тепла, а паек был так микроскопичен, что умещался на ладони, — в те дни Наталья Павловна Бубнова, как и сотни ее товарок, выступала спасителем человеческих жизней в самом буквальном смысле этого слова. Вместе с подругами она разогревала водопроводные трубы, и по поленцу рассчитывала дрова, и смотрела за детьми, и ухаживала за больными, и берегла вещи погибших, и вела переписку с фронтом, утешала солдат: не тревожьтесь, за вашими родными смотрим, убережем...

И вот наутро после похорон в опустевшей комнате Александр Петрович бережно перебирает то, что осталось от покойницы: ее партийный билет, медаль «За оборону Ленинграда», грамоты, письма фронтовиков и карточки, карточки... И на одной из них будущая защитница Ленинграда от фашистов молодая Наталья Бубнова сидит рядом с великой немецкой революционеркой, антифашисткой Кларой Цеткин. Отец молчит, и молчат дети, посуровевшие, притихшие. И внучка, словно бы понимая все, присмирела, прижалась к деду.

...Потом мы встречаемся с Бубновым-младшим. Говорили о нем так: парень упорства редкого... Объясняли: в блокаду, не доучившись, он ушел в школу юнг, прошел штурманские курсы, матросом плавал на Балтике, потом, вернувшись на сушу, ушел на завод, оттуда в армию... Улыбаясь, рассказывали, что, демобилизовавшись, он за три месяца свершил три дела: сдал за десятилетку, поступил в университет и женился. И, наконец, добавляли, что Бубнов ушел из университета со второго курса, а теперь работает рулевым на небольшом заводском буксире и учится заочно. С этого странного поступка мы и начали разговор: почему он ушел из университета? Денежные соображения?

Семья Бубновых на даче под Ленинградом: Владимир Александрович, Александр Петрович, Майя Александровна и маленькая Наташа.

— И это,— кивнул он.— Хотя суть не в деньгах. Жена — она тоже заочница института — работает, я получал стипендию, можно было прожить. Нет, видно, просто привык к самообразованию. Больше простора...

— Но почему экономический факультет, а не морское училище? Вы же штурман?..

— Штурман-то штурман, да у меня с детства страсть к гуманитарным наукам. Еще мальчишкой читал Шопенгауэра... Да, да, не смейтесь, так было: с него начинал. Ну, а потом по совету отца читал Маркса. Хотел заняться философией, да передумал. Без прочной экономической подготовки настоящего философа не получится. Получится схоласт.

Он сказал это строго, словно бы споря с кем-то, но тут же улыбнулся:

— Впрочем, видно, мне так на роду написано... Политэкономия-то у нас — семейная наука.

— Почему семейная?

— А мать не рассказывала, как она познакомилась с отцом? Можно сказать, «на базе» политэкономии. Была она работницей на фабрике, училась в вечерней школе и вот пришла к коммунисту Бубнову за учебником политэкономии. С того и пошло. Ну, а отец всю жизнь занимался конкретной экономикой. Ну, и, как видите, сестра...

— Но ведь это трудно: совмещать работу и университет? Все-таки университет, не техникум!

— А разве я один совмещаю? Да у нас на буксире почти все учатся. Вот еще обрабатываю дружка-механика. Молодой парень, сильный, ему и книги в руки...

Затем он заговорил о «семейном» предмете. Да, его влечет не

вообще политэкономия, а именно политэкономия социализма. Почему? Сердито заметил, что мало выпускают статистических справочников. Раздраженно сказал, что еще попадаются в журналах статьи схоластов, начетчиков и еще мало статей настоящих экономистов-искателей.

Мы беседовали в Летнем саду. Немного суровый, уже всласть наработавшийся тридцатилетний человек толковал об экономической науке, и припомнились почему-то университетские юнцы, шагнувшие в политэкономию с порога школы и теряющиеся перед словами: «стоимость», «прибыль»... И вот обдуманно, со страстью идет в экономическую науку заводской коммунист. Идет один из тех, кто ежедневно ощупывает экономику, так сказать, в ее «натуральном выражении» и творит ее своими руками...

3. Тысячники

И в те же дни побывал я в деревне Сватково у Анатолия Бурова. О человеке этом еще в прошлом году громко заговорили на совещаниях, а когда я спросил у товарища, воротившегося из колхоза, он всплеснул руками:

— Кто такой Буров? Да это же, если хочешь, потомственный тысячник!

— Как потомственный?

— А вот так: допусти, что у шолоховского Давыдова есть сыновья,— так вот Буров из них, из давыдовских сыновей.

— Сын путиловца?

— Внук путиловца. Дед его работал кузнецом на Путиловском заводе. Славный был кузнец, да скосила его чахотка. А отец Анатолия, Александр Павлович, он тоже в Питере начинал. С земляком Алексеем Сурковым, нынешним поэтом, служили они мальчиками в Гостином дворе. Ну, а потом в солдаты призвали Бурова, а тут началась война, расстался он с Питером. Воевал исправно: три Георгия заслужил. И все-таки не эти Георгии, а опять-таки пролетарский Питер помог ему определиться в жизни. Летом семнадцатого года послали Бурова с фронта в Петроград, он и подался к путиловцам, они-то и просветили, снабдили большевистскими книжками...

— Но при чем тут Давыдов?

— А при том тут Давыдов, что уже после гражданской войны Бурова, как и Давыдова, партия послала в деревню. Не-ет, не в счет двадцати пяти тысяч, пораньше! Еще и речи не было о сплошной коллективизации. Двадцатые годы! Хлебозаготовки, комитеты бедноты, борьба с кулачеством! Вот такие Буровы — рабочие-большевики — и готовили деревню к колхозам. Да ему, Александру Павловичу, и пришлось в своей деревне колхоз создавать.

— А сын?

— А у сына короче биография: с малолетства ушел в ремесленное, оттуда в слесари, а потом армия, был танкистом. А после снова завод в Ленинграде. И вот — колхоз!

Наутро я уехал к «потомственному тысячнику».

...Есть и под Ленинградом тайга. Свернешь вправо с Нарвского шоссе — и начинаются места лесные, дремучие, впору сибирским. Лес, лес, а поля небольшие, красноватые, каменистые.

В новом бревенчатом здании колхозной конторы, пока я поджидал председателя, словоохотливый пожилой мужчина в стеганке и резиновых сапогах рассказал о «добуровских» временах.

— Ну как, скажи, нарочно, все шло у нас в Сваткове вкривь да вкось! — говорил он, дымя папироской.— Травы под боком роскошнейшие, а ведь не убирали, не выкашивали. По весне, бывало, скотина ревмя ревет, а нечего ей задать! Силос заложим, план выполним, а кинемся весной — глядь, силос-то и погнил! Картошку на семена оставим, уложим в бурты, а весной откроем — нет картошки, одно гнилье... До того доработались — навоз перестали вывозить из скотных дворов; веришь, до самого потолка навозу набралось, коровы не помещались. Свиньи в лежку лежали, не подымались с голодухи. В банке на одном счету полмиллиона долгов, на другом — полтина наличности. Дохозяйничались! Председатели? А, что про них говорить! Всякие были: и свои, и приезжие, и трезвые, и пьющие, и ученые, и неученые — ни один не кончил добром. Верь, не верь, а последние два председателя себе на жалованье не добыли дохода. Уже Бурову довелось с ними расплачиваться...

Я слушал этот горестный рассказ и никак не мог взять в толк: да почему же это у здешних хлеборобов, исконных крестьян, знающих толк в деревенском деле,— почему у них все шло «вкривь да вкось», а у ленинградца Бурова, человека заводского, с деревней незнакомого, вдруг все настроилось? Каким рычагом зацепил и поднял он здешнюю деревню?

Что он ее поднял, в том не было сомнения. На столе перед нами лежали «цифровые данные». И по урожаям, и по молоку, и по мясу, и по денежным доходам — по всему колхоз круто взмыл в гору, прочно оседлал первое место в районе и уже «наступает на пятки» лучшим, богатейшим хозяйствам области. Что же тут произошло?

Буров — крепкий, ладный, с волевым обветренным лицом — вошел в контору стремительно и не присел, а повел нас по хозяйству. По улице он шагал широко, засунув руки в карманы полупальто, и, не хвалясь, обычно, буднично показывал подновленные скотные дворы, зерносклады, двухэтажное новое здание клуба. Спустились к речке, и Буров показал мельницу, приобретенную и налаженную в прошлом году. Осмотрели лесопилку, новый свинарник, цементированные, емкие силосные траншеи... Дорогой заговорили о направлении хозяйства, и Буров заметил:

— Главное — не разбрасываться, не распылять сил... Специализировать хозяйство! На чем? Да, по-видимому, у нас на трех китах: на молоке, на мясе, на льне. Да, на льне, хотя поблизости пока и нет льнозаводов. Пора строить! Великолепно растет у нас лен! Я пробовал, сеял два гектара. Да и старики говорят, что лен для наших мест — отличная копилка. Ну, а раз молоко, стало быть, клевера! Мы изменили структуру посевных площадей: половину пашни отдали клеверу. Кукуруза? Сеем и кукурузу, но осторожно, не размахиваемся. Надо сперва освоить...

Он говорил солидно, уверенно, и снова подумалось: да откуда же в нем, тридцатилетнем ленинградце, эта хозяйская хватка? Ведь он и на заводе не был хозяйственником. Работал в цехе, потом стал секретарем комсомольского комитета. Деревни вовсе не знал. И вот на второй год председательства рассуждает, как заправский хлебороб.

— Откуда хватка? — удивленно спросил он, когда, воротившись, мы зашли к нему в гости.— А какая, собственно, хватка? В полеводстве? В строительстве? Да я ведь явился не на необитаемый остров. В деревню! Люди кругом! А они-то десятками лет крестьянствовали...

Мы сидели в новой избе. На кухне хлопотала Надежда Ниловна, жена председателя, ленинградка, безропотно сменившая прелести городской жизни на лесную глушь. На полу играла полнощекая, румяная дочка — лесной климат пошел ей на пользу. А в кресле, закинув ногу на ногу, сидел главный гость, отец хозяина, Александр Павлович Буров. Старший тысячник — после деревни он много лет работал на машиностроительных заводах и недавно ушел на пенсию — заехал проведать сына и уже осмотрел хозяйство, а теперь внимательно слушал Анатолия и смотрел на него требовательно, словно бы экзаменовал.

— Тут суть не в хватке! — говорил сын.— Была бы у председателя охота спрашивать, и люди всегда дадут совет: и что сеять, и когда сеять, и чем скотину кормить. Не так уж велики премудрости! Думаю, что и мои предшественники провалились не от незнания сельского хозяйства. Другое их подвело. Веры не было у колхозников! Охоты не было! Откуда же ей быть, вере? Насулят три короба, а выдадут крохи.

— С чего же ты начал? — нетерпеливо спросил отец.

— С этого и начал! С самого простого: на десятый день выдал аванс на трудодни. Выдал и объявил: впредь ежемесячно бу-

Анатолий Буров с отцом пришли на молочнотоварную ферму.

дете получать деньги. И не сорвался, не обманул. Вот уже два года, как на заводе: в определенный день получка...

— Но деньги, деньги! — перебил Александр Павлович.— Откуда взял деньги?

— Откуда взял?! — усмехнулся сын.— О первых деньгах и вспоминать неловко: дрова продал. Ну, а потом пошли деньги за молоко, за овощи. Небольшие, понятно, деньги. Что ж, пришлось в первом году восемьдесят процентов дохода раздать на трудодни. Нарушение? Конечно! А это не нарушение — вовсе не оплачивать труд? А то, что люди на двадцать пятом году колхозной жизни, по существу, не ведали благ коллективного труда, — это не нарушение? Как же я мог пробудить веру колхозников в артель? Одной агитацией? Агитировать, а выдавать по-прежнему копейки? Ты бы как поступил, отец?

Он пытливо заглянул в глаза отцу, а старший Буров, подумав, кивнул головой: да, вероятно, и он, старый коммунист, поступил бы так же, как сын. Смело бы пошел на такое «нарушение» во имя завтрашнего успеха.

— Ну вот! — весело подхватил сын.— И расчет оправдался. Народ поверил правлению и приналег, да так приналег, что на второй год удалось и трудодни оплатить и двинуть строительство. И долги старые начали погашать! А как работали люди!

Он оживился, заговорив о людях. Да, ему, приезжему, заводскому коммунисту, удалось, как когда-то Давыдову, найти в деревне своих Майданниковых. Агафья Семеновна Алексеева, мать расстрелянной немцами партизанки и солдата, погибшего за Ленинград, беспартийная старая крестьянка, стала первой советчицей нового председателя. Она знакомила его с землями и наставляла, как «по цвету черемухи» определять сроки сева. И она же подсказывала, на кого опереться в деревне и кого приструнить. А бригадир Анна Дмитриевна Логинова посоветовала Бурову завести лен и сама же его посеяла и выходила. А Нина Панцова, молодая коммунистка, доярка со средним образованием, ратовала за клевера. И еще под рукой у Бурова оказался заводской дружок, Алексей Степанов, ленинградец, слесарь. Он приехал в деревню вместе с Буровым, накрепко обосновался в колхозе, возглавил комсомольцев. А Таисия, жена его, работница ленинградского завода «Светлана», вспомнив свою заброшенную в городе профессию, стала агрономом. И так, месяц за месяцем, расширялся круг помощников Бурова. И вот уже этой весной он двинул на бригадирскую должность новый «кадр» — Валю Воробьеву, комсомолку, недавно окончившую среднюю школу.

Младший Буров рассказывал о людях горячо, хвалил их взахлеб. А отец все кивал головой.

— Молодец! — сказал он сыну.— То, что людей любишь и актив подобрал,— молодец. Так и я начинал на селе: завел дружбу с хорошим народом. А как же? Людьми дело ставится!

Людьми! Но как ему удалось, Бурову, так быстро сплотить людей? Чем он их привлек? Деньгами?

— Ну, что вы! — обиженно сказала мне на другой день пожилая доярка Евгения Ивановна Иванова.— Разве душу деньгами привяжешь? Понятно, всем понравилось, что стали деньги платить. Да разве же одни деньги? Он-то, Буров, зачем к нам приехал? Он же без всякой корысти к нам приехал. Или в городе ему плохо жилось? И жалованья поболе, и хлопот помене, и вечерами, говорят, в институте учился, и развлечения всякие... Ленинград! И ведь вот от всего отказался, приехал в колхоз. Так что же мы-то бессовестные?! Он для нас старается, а мы не уважим? И обхождение у него... То, было, председатели ничегошеньки нам не платили, а все криком, криком: лодыри, мол, вы, саботажники, разогнать вас надо!.. А этот — ласково, душевно, без бранного слова!..

Наутро я уезжал из Сваткова. Кажется, в общем, все было ясно — и хозяйственные успехи колхоза и то, как Буров заботится о людях: по его почину открыли дом отдыха и клуб, и он же затевает ясли. И уже назначены пенсии колхозным ветеранам. И лишь в одном было сомнение: что-то уж чересчур легким, «бесконфликтным» казался путь колхоза от развала к расцвету. Не было налицо излюбленного драматургами семейного конфликта: муж едет в колхоз, жена не едет. Не было конфликта с райкомом: первый секретарь Арсений Александрович Рачеев, сам бывший председатель, всячески помогал тридцатитысячнику. Конфликтов не было, а между тем — и это сразу заметил отец — на висках молодого председателя проступила сединка.

...Автобус отъехал километров пять от Сваткова, пошли леса, и тут-то тронул меня за рукав сосед, моложавый, загорелый, в светлом пыльнике.

— От Бурова едете? — спросил он.— Ну, как он там, Анатолий Александрович? С зимы к нему не заглядывал. Помнится, трудненько ему было с народом...

— С народом? — насторожился я.— В каком смысле?

— Да колхоз-то был последним из последних. Ну... и народ... Вы думаете, в отстающих колхозах так-таки всем плохо жилось? Э, нет! Труженикам, вдовам — вот кому худо в отстающих колхозах. А «шабашникам», ловкачам — этим чем ни меньше порядку, тем и раздольнее. За добром-то присмотра не было! И дрова тащили и сено. И с председателями так: кого подкупят, кого подпоят, а кого и поймают на каком-то нечистом деле, да и грозят: не трожь, мол, а то и тебя выведем на чистую воду. Ну и представьте себе: приходит в такую деревню Буров, заводской коммунист, неподкупный, справедливый, горой встает за тружеников, — каково это «шабашникам» переносить? Мстили! Он их приструнивать, а они его...

— Как мстили?

— Да всяко... Подсунули ему шоферишку, лихача, хулигана, а тот взял да и опрокинул Бурова в кювет. Еще хорошо обошлось: только ключицу и сломал Анатолий Александрович, а они, паразиты, раззвонили, что погиб он, да на радостях и принялись тащить. Не дали и в больнице отлежаться. Мстили! В день отчетно-выборного собрания ни с того, ни с сего водокачка загорелась, и в тот же день корова погибла — гвоздь оказался в желудке... Случай? Ну, а это случай? После собрания, на котором решили у «шабашников» землю отнять, кто-то у всех телят веревки перерезал. Э, нет, не случай! Борьба... Не говорил про это Буров? Что ж это он? Ах, отец был в гостях! Видно, не хотел отца тревожить. Хотя что ж, отец у него тоже из тысячников, ему-то, поди, еще жарче пришлось воевать с паразитами. Такая им доля выпала: коммунисты...

Прошел месяц, и я вновь встретил Бурова. Он приехал в Ленинград на совещание передовиков сельского хозяйства и заодно проводил отца: Александр Павлович погостил у сыновей и возвращался к себе на Урал. Как бывает, в час прощания отец с сыном говорили о разных разностях, и, лишь подымаясь в вагон, отец погрозил сыну пальцем.

— Ты мне смотри, не седей! Что это за мода — седина в тридцать лет?

— Ладно,— засмеялся сын.— Как-нибудь воздержусь!

Теперь веселый, раззадоренный, он шагал по Невскому, толковал о новом, о том, что предстоит догонять Америку... А кругом шумел майский предпраздничный Ленинград, гордый город, в котором живут Душенковы и Бубновы и откуда уехал вершить партийное дело он, Анатолий Буров, тысячник, сын великой партии.

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

ОГНИ НА РОСТРАЛЬНЫХ КОЛОННАХ

В начале минувшего века была произведена грандиозная подсыпка берегов Невы на 120 метров и создана полукруглая площадь с великолепной гранитной набережной. На площади по проекту архитектора Томона были установлены две тридцатиметровые колонны.

Ростральные колонны на Васильевском острове — это символы морского могущества Российского государства. Они являлись не только частью архитектурного ансамбля Биржи, строительство которой закончено в 1810 году, но и были маяками, освещающими путь проходящим к порту кораблям.

В связи с увеличением тоннажа кораблей возникла необходимость в строительстве нового Торгового порта.

Последний раз горели огни маяков Ростральных колонн 72 года назад.

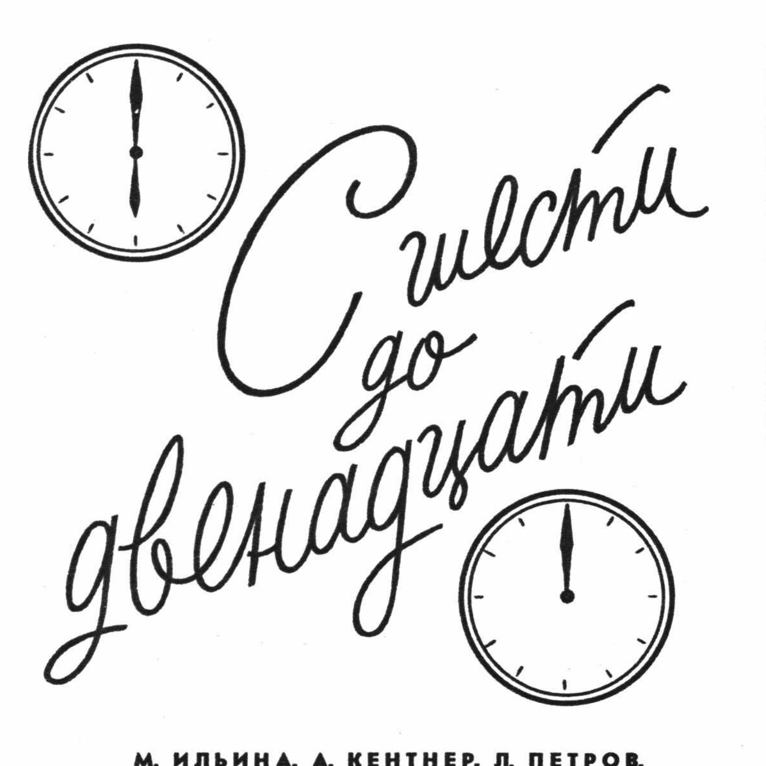
В ознаменование 40-летия Советской власти и 250-летия Ленинграда в юбилейные июньские дни снова ярко вспыхнут газовые горелки на Ростральных колоннах.

Осторожно просверлив фундаменты и каменные ступени винтовых лестниц, строители подвели газовые трубы к чашам колонн. Внутри чаш установлены мощные газовые горелки с расходом газа 400 кубометров в час.

В. ГОРШКОВ,
главный инженер Управления «ЛЕНГАЗ»

→ Опробование газовых горелок на Ростральных колоннах.

М. ИЛЬИНА, А. КЕНТНЕР, Л. ПЕТРОВ,
студенты Ленинградского университета

Фото Л. Петрова.

Нас четверо. Трое — студенты-журналисты, а четвертый — фотоаппарат. Мы должны написать репортаж о ленинградском студенчестве. Это не так просто: попробуйте найти сюжет, выбрать героев из многотысячной армии студентов.

— Куда пойдем?

— Куда угодно,— сказал один из нас.— Я сегодня самый счастливый студент в городе: экзамен сдал.

— Подумаешь, через пять дней снова сдавать.

— Если я не самый счастливый, то кто же?

— О! Идея! Пойдем искать, кто самый счастливый студент в Ленинграде.

Часы показывают шесть. Занятия окончились. В вестибюле общежития толпа. Говорят все, и каждый на своем языке:

— Адрес записал? Болгария, София, улица Димитрова...

— Где Иштван?..

Где же тут в этой суматохе найти тех, кого мы ищем! Все оживлены, все смеются. Кто-то советует:

— Поднимитесь в пятьдесят восьмую комнату, там песни с утра поют.

Когда мы проходили по коридору, из кухни донесся голос:

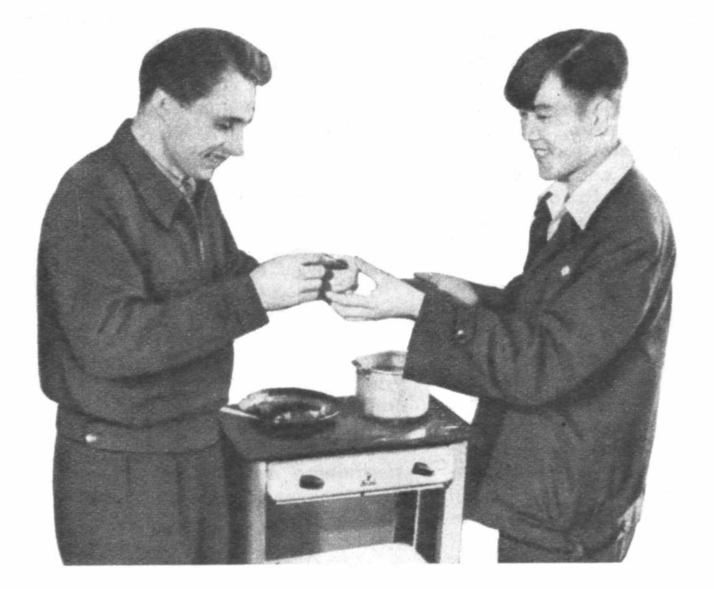
— А соль в суп кладут?

Оказалось, что у плиты орудовали два друга — латыш Жанис Янушка и китаец Хэ Тянь-чэн. Хэ давал Жанису последний урок варки супа по-китайски. Сам Хэ торопился на собрание китайского землячества. Опоздать нельзя — даже в самом большом зале города, Таврическом дворце, может не хватить места: ведь там сегодня собираются все китайские студенты. А если собрать всех ленинградских студентов-иностранцев — чехов, албанцев, венгров, румын, монголов, поляков, пригласить болгар и корейцев,— какой же зал вместит их?

Хэ Тянь-чэн был уже в дверях, когда Жанис окликнул его:

— Хэ! Корреспонденты спрашивают, как этот суп называется по-китайски.

— Чинь-цай-жу-юань-тан.

Наконец мы добрались до 58-й комнаты. Там все было вверх ногами. Шкафы сдвинуты в угол. Девушки разместились кто где,— одна на столе, другая на подоконнике. Шел ремонт общежития своими силами. Лариса Андрианова и Светлана Трегуб, как заправские маляры, белили стены и потолок, а Мария Аронштам делала сразу два дела — держала кисть и листала книгу.

— А, здравствуйте! Кладите аппарат, помогайте работать.

Но нам было некогда.

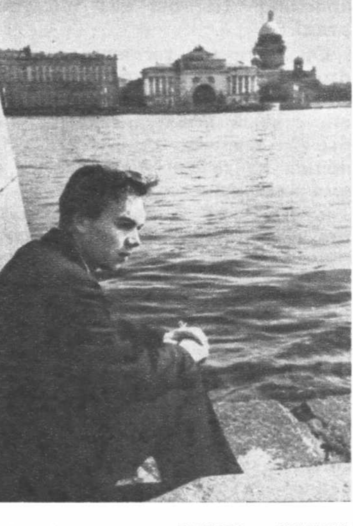
...Набережная Невы. Высокая волна от проходившего речного трамвая ударяет в гранит лестницы, и кто-то, сидящий у самой воды, быстро поджимает под себя ноги. Да это наш Илья Фоняков! Скоро в издательстве «Советский писатель» выходит книга его стихов «Именем любви».

— Илья, почему ты такой задумчивый?

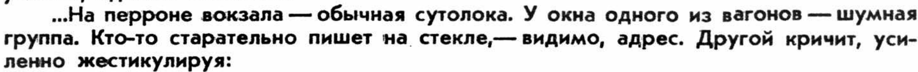
— А вот послушайте:

Уже нам за двадцать,
Нам скоро прощаться,
Мы скоро получим диплом.
Но если опять нам случится собраться,
Мы вновь эту песню споем.
Была бы лишь кровь неизменно горячей,
А сердце — всегда молодым...
Так выпьем, ребята,
За все неудачи,
Которые
Мы
Победим!

Илья опять повернулся к воде, и мы ушли, чтобы не мешать ему. Подумалось: а может, проведать тех студентов-ленинградцев, кто уже успел прославиться на весь мир, еще не окончив учения? Может, зайти к аспиранту, чемпиону олимпийских игр боксеру Геннадию Шаткову или к международному гроссмейстеру Борису Спасскому? А может, навестить студентку Института точной механики и оптики Тамару Манину — известнейшую гимнастку мира? Нет, решили мы, знаменитости и так замучены гостями, а ведь им, как и всем, надо учиться, сдавать экзамены.

...На перроне вокзала — обычная сутолока. У окна одного из вагонов — шумная группа. Кто-то старательно пишет на стекле,— видимо, адрес. Другой кричит, усиленно жестикулируя:

— От Кокчетава до Иркутска три тысячи километров! Соседями будем, понимаешь, соседями!

— Кого провожаете, товарищи?

— Да вот, везет человеку, на работу едет в МТС, а тут еще год учиться...

И мы узнали, что у Нины Шиподько эти минуты — последние в ее студенческой жизни. Поезд придет в Кокчетав, и выпускница Ленинградского института механизации сельского хозяйства станет инженером-механиком одной из МТС Казахстана.

— Приезжайте на уборку! — кричит она провожающим.

— Приедем! — обещают ей ребята.

И они обязательно приедут. Десять тысяч ленинградских студентов вновь, как и в прошлом году летом, отправятся скоро на уборку целинного урожая. Впрочем, только ли на уборку? Приезжаем с вокзала в Текстильный институт имени Кирова и там в комнате комитета комсомола застаем совещание. Анатолий Кузьмин советует студентам:

— Перины с собой не брать, вазы для цветов тоже.

Девушки смеются:

— Сами знаем. В пижамах не поедем.

Видно, что студенты-текстильщики не в первый раз едут помогать колхозам. В этом году они отправляются на мелиоративные работы на Карельский перешеек. «Штаб мелиорации» во главе с Феликсом Бездудным детально разработал план грандиозного наступления студентов на болота. Через несколько лет там, где сейчас цветут кувшинки и шумит тростник, зазеленеют хлеба и зацветут сады. Свежие овощи и картофель пойдут отсюда в Ленинград. Хороший подарок городу!..

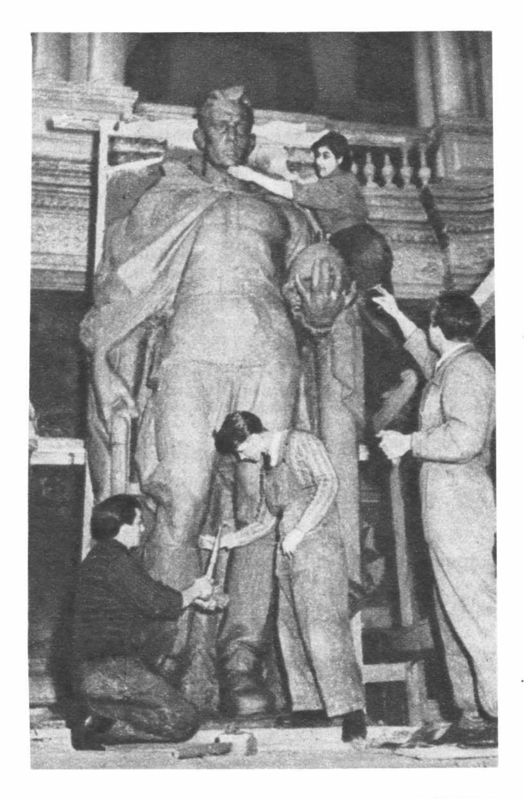
...В Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени Мухиной нас провели в Молодежный зал.

— Вы спрашиваете о подарках к юбилею? Вот они.

Перед нами пять величественных фигур: рабочий, матрос, солдат, женщина - ленинградка, подросток — вечный памятник тем, кто отстоял наш город от врага. Время позднее, но молодые скульпторы продолжают работу.

— Вот так лучше! — кричит снизу Андрей Семченко Наташе Долинской.

В этом же зале — выставка работ студентов к 250-летию Ленинграда. Живопись и скульптура, керамика и изделия из металла. Многие работы студентов пущены в серийное производство, и сегодня их уже можно увидеть на прилавках магазинов...

...Темнеет. Вспыхнули огни у театральных подъездов. Где теперь застать студентов? В залах? Нет, почему же, их можно увидеть и на сценах. Богат талантами студенческий Ленинград! Можно послушать университетский хор, который выступает сегодня в Филармонии, или сходить на концерт интернационального студенческого ансамбля «Дружба», или на фестивальный спектакль оперной студии Консерватории «Евгений Онегин»...

Не успели мы еще решить, куда пойти, как у Дома культуры промкооперации нас остановили неожиданным вопросом:

— Лишнего билетика нет?

— Куда?

Парень, спрашивавший нас, вместо ответа показал на афишу. Читаем: «Ленинградский молодежный эстрадный ансамбль. Художественный руководитель А. С. Бадхен. Спектакль-обозрение «А мы отдыхаем так...».

За кулисами мы спросили у артистов:

— Что вам самим больше всего нравится в вашем спектакле?

— То, что на него не достать билетов...

Петропавловские куранты пробили двенадцать часов, и вот последнее, что мы увидели: двое влюбленных укрылись под аркой от дождя.

Так кто же был самый счастливый?

Мы этого так и не решили.

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Музей на Херсонской

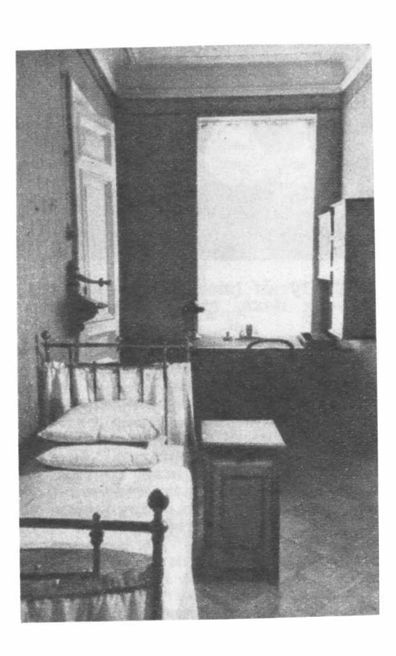
Внешне наш дом № 5/7 ничем не отличается от других таких же на Херсонской улице. Но с утра до вечера непрерывно тянутся к нему посетители, прибывшие со всех концов Советского Союза, поднимаются на четвертый этаж.

Здесь находится квартира В. В. Бонч-Бруевича, в которой жил Владимир Ильич Ленин. Здесь в ночь с 25 на 26 октября 1917 года он написал декрет о земле.

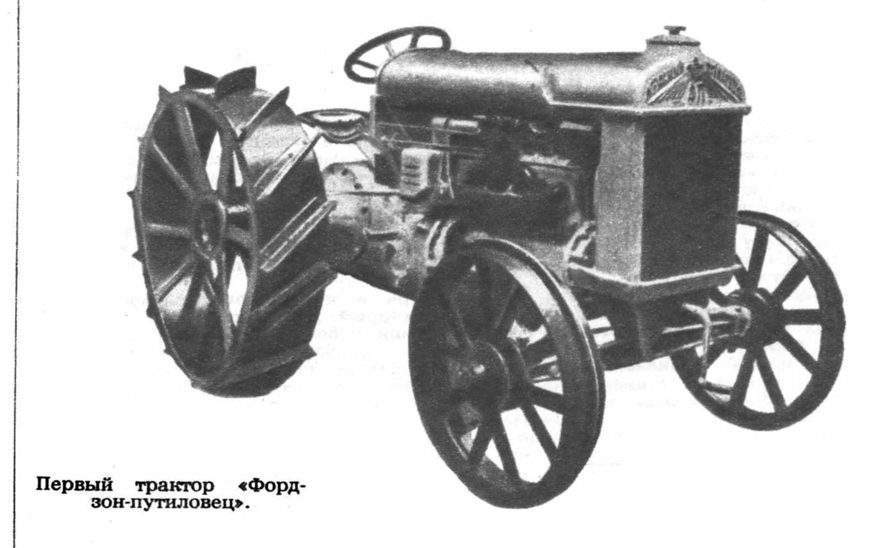
Памятный музей-квартира В. И. Ленина на Херсонской открылся в ноябре 1938 года. В. В. Бонч-Бруевич со своей дочерью Еленой Владимировной помогали работникам музея восстановить обстановку квартиры в 1917 году.

Из столовой дверь ведет в следующую комнату, в которой и жил Ильич. Письменный стол, за которым был написан декрет о земле, простой чернильный прибор и лампа под зеленым абажуром; застекленные небольшие книжные полки; шкафы с ящиками для картотек; старинный настенный телефон, никелированная кровать и фаянсовый таз с кувшином для умывания. На стене над кроватью — портрет Карла Маркса. Все так, как было при Владимире Ильиче.

И. СЫСОЕВ,
рабочий, житель дома 5/7 на Херсонской улице.

Два рейса

Первый трактор «Фордзон-путиловец».

На первомайской демонстрации в 1924 году появился небольшой трактор. На его радиаторе виднелась пятиконечная звезда и марка «ФП». Это был первый тогда в нашей стране трактор «Фордзон-путиловец». Вел его слесарь завода «Красный путиловец» Анатолий Алексеевич Горшков.

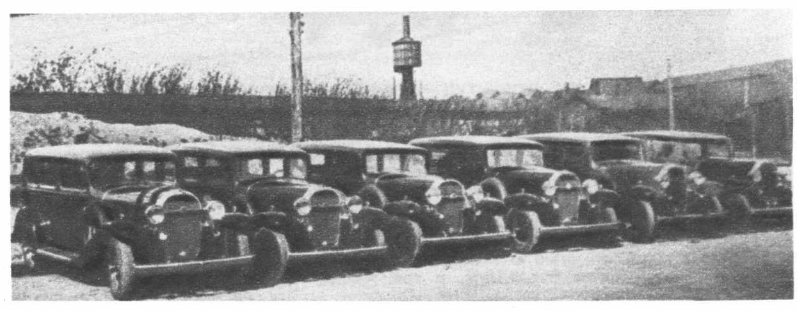
Ныне А. А. Горшков — пенсионер. Ему пришлось вместе с другими краснопутиловцами не только строить первые тракторы, но и испытывать их. Затем он ездил в различные районы страны, обучал крестьян вождению «стальных коней».

В 1931 году краснопутиловцы дали стране 32 тысячи тракторов. Особенно отличился на сборке тракторов слесарь Михаил Яковлевич Давыдов. Ему одному из первых на заводе был вручен орден Ленина.

В 1933 году из ворот завода вышла теперь уже в более дальний рейс новая машина — легковой автомобиль с маркой на радиаторе «Л-1». Шесть легковых автомашин направлялись в автопробег по маршруту Ленинград — Москва — Ленинград. На одной из них ехал М. Я. Давыдов.

Вскоре на Московском автозаводе был налажен серийный выпуск «Л-1».

В. КАРПУЩЕНКО,
сотрудник заводской газеты «Кировец».

Легковые автомобили «Л-1».

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

ПЕРВЫЙ ДОГОВОР НА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

М. Е. Путин (шестой справа) и Б. Д. Круглов (четвертый справа) среди рабочих цеха, где был подписан первый договор на социалистическое соревнование.

У проходной завода «Красный выборжец» висит мемориальная доска. Она извещает о том, что на нашем заводе был подписан первый в истории договор на социалистическое соревнование. На мраморе высечены имена зачинателей соревнования: Михаила Елисеевича Путина, Бориса Дмитриевича Круглова, Павла Павловича Мокина, Константина Григорьевича Оглоблина, Михаила Григорьевича Григорьева...

В 1929 году ударная бригада обрубщика коммуниста Михаила Путина вызвала на социалистическое соревнование соседнюю бригаду и заключила с ней договор. Обрубщики взяли обязательство повысить на 10 процентов производительность труда, снизить себестоимость обработки каждой трубы на десять процентов, укрепить дисциплину, бороться с браком. Их почин поддержал весь коллектив завода. Так была воплощена в жизнь идея В. И. Ленина о социалистическом соревновании.

Один из зачинателей соревнования, М. Е. Путин (ныне начальник строительного управления в Ленинграде), побывал недавно на заводе.

— Цех настолько изменился,— говорит М. Е. Путин,— что трудно найти то место, где мы работали. Вместо задымленных мастерских с низким потолком и перегородками вырос просторный, светлый цех, оснащенный новой техникой. Исчезла и наша тяжелая профессия обрубщика.

Ю. ОВЧИННИКОВА,
редактор заводского радиовещания.

В день 200-летия

Мне хочется рассказать читателям журнала о праздновании 200-летия Петербурга. В дни, предшествовавшие юбилею, в городе специально муштровалась полиция, на ноги была поставлена охранка, чтобы пресечь революционные выступления. Город был разукрашен, транспаранты предвещали «многие лета» благополучно царствующей династии Романовых. А в это время на рабочих окраинах города из рук в руки переходили подпольные листовки социал-демократической организации Петербурга.

В одной из прокламаций говорилось: «Товарищи! Столица русского царя празднует двухсотлетие своего существования... Под прикрытием многочисленных войск и полиции, эта орда чиновников будет праздновать свое 200-летнее господство...

Пусть старая, отстающая Россия, царь и чиновники наслаждаются воспоминаниями прошлого и чествуют старый Петербург... Мы чтим в нем только нашу молодую Россию — наши рабочие батальоны, идущие на борьбу с царским самодержавием и эксплуатацией капиталистов!..»

В другой прокламации, выпущенной в день празднества, питерские революционные социал-демократы говорили рабочим, что достойно отметить юбилей города можно лишь после великой политической революции и полного низвержения самодержавия. «Пусть Петербург, этот светоч России,— говорилось в листовке,— подаст пример в революционной борьбе. Здесь выросло и окрепло самодержавие, пусть здесь же будет нанесен ему первый решительный удар».

П. ЯКОВЛЕВ,
кандидат исторических наук.

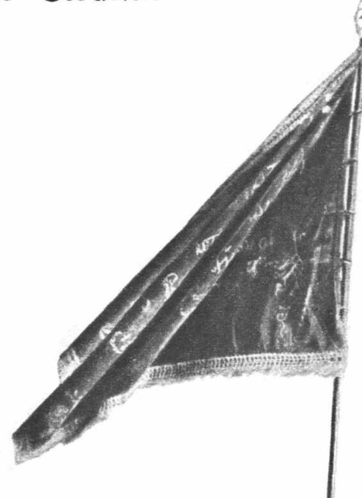
Орден и знамя

Как-то я зашел в Музей истории Ленинграда. Там много экспонатов — свидетелей славной истории нашего города. Особенно взволновало меня Красное знамя: оно напомнило декабрьские дни 1919 года, когда в Петрограде проходил VII Всероссийский съезд Советов. В его работе участвовал Михаил Иванович Калинин. Он и вручил питерцам награду за участие в обороне нашего города от Юденича: это был орден боевого Красного Знамени вместе со знаменем. Знамя хранится теперь в Музее истории Ленинграда.

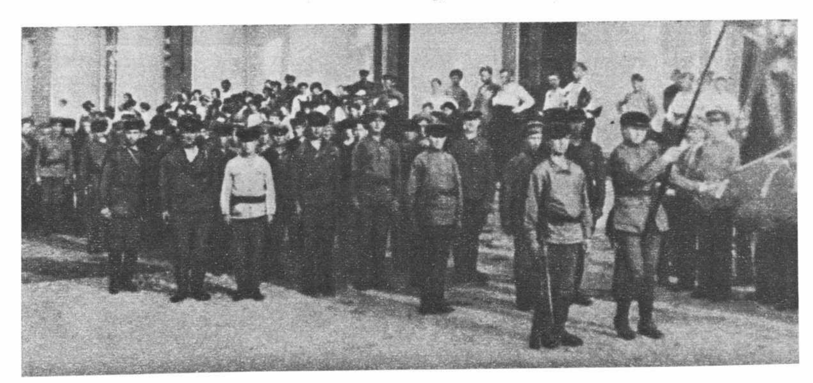
После Великой Отечественной войны Михаил Иванович Калинин снова приезжал к нам и вручил Ленинграду вторую награду — орден Ленина.

Б. БУГРОВ,
старый производственник Металлического завода.

Красное знамя, врученное Петрограду в 1919 году.

Самокатная рота РКСМ

Самокатчики перед отправлением на фронт у Таврического дворца. 1919 год.

Посылаю вам снимок. На нем запечатлены бойцы комсомольской самокатной роты особого назначения у здания Таврического дворца. Здесь нам за боевые заслуги вручалось знамя губкома РКСМ. На церемонии присутствовала только часть бойцов роты. Остальные в это время сражались против наступавших белогвардейцев генерала Юденича.

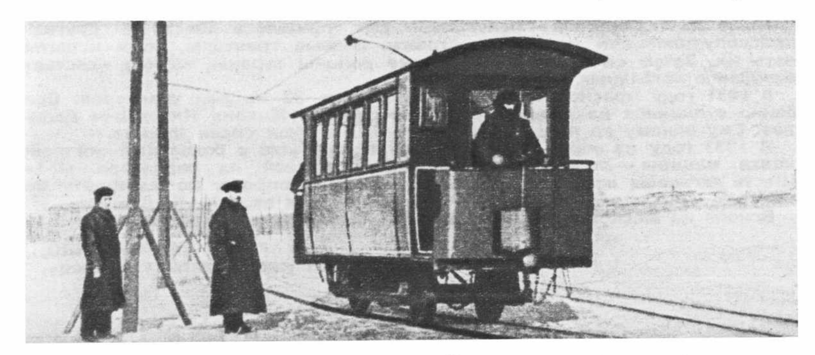
В одном из боев комсомольца Бориса Хромова окружили белые. Но он не сдался в плен, бросил в гущу врагов последнюю гранату и погиб при этом сам. В бою под Красным Селом белые захватили раненого семнадцатилетнего комсомольца Винтера. Мужественный боец на допросе не проронил ни слова и был расстрелян врагами.

Отличился в боях с белогвардейцами и молодой рабочий фабрики «Скороход» Павел Смирнов. Проявив высокую отвагу и в годы Великой Отечественной войны, Смирнов погиб смертью храбрых.

Сейчас я собираю материалы по истории самокатной роты, веду переписку с архивами и музеями, разыскиваю оставшихся в живых бойцов роты. Это Федор Михайлович Алексеев — старший технический инспектор отдела охраны труда при Леноблпрофсовете, Борис Лукьянович Калинин — заведующий массовым отделом Музея истории Ленинграда, Александр Яковлевич Березин — начальник отдела кадров паровозного депо, пенсионер Иосиф Николаевич Кузьмин и другие. Иногда мы встречаемся, вспоминаем славные боевые дела комсомольцев самокатной роты.

Н. ГАРЫШЕВ,
член КПСС с 1919 года.

Моя любимая коллекция

Я посылаю вам две открытки из моей коллекции. На одной из них — трамвай, идущий по льду Невы. Это было в конце минувшего века, когда еще существовала конка и ее владельцы не пускали трамвай на мосты. Тогда трамвайная компания устроила зимой «перевоз» по льду.

Когда мне было 14 лет, я стал собирать иллюстративные открытки. Постепенно моя коллекция превратилась в своеобразную «иллюстративную энциклопедию». К настоящему времени в моей коллекции насчитывается 370 тысяч экземпляров.

У меня, конечно, есть любимая тема. Ей посвящено свыше 10 тысяч открыток. Это тема — Петербург — Ленинград, в котором я родился, провел всю жизнь. Многие открытки моей коллекции послужили иллюстрациями к различным изданиям, в том числе и энциклопедическому.

Н. ТАГРИН,
лектор.

Первый петербургский омнибус. 1832 год.

Ленинград. Московский проспект.
Фото Б. Уткина.

Крейсер «Аврора».

Фото А. Гаранина.

Вечером на Неве.

Фото Б. Уткина.

В саду у Адмиралтейства.

На площади Декабристов.

Фото Б. Уткина.

Невский проспект. Аничков мост.

Наземный вестибюль станции метро «Пушкинская».

Фото Л. Зиверта.

В Русском музее.

ДУША МЕСТА

Рассказ

Борис ГУСЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Порывы ветра приносили со стороны ржаного поля серые клубы пыли, но то была не дорожная пыль — тропинка, тянувшаяся вверх по склону к огородам деревни Черноярово, прорезала зеленеющий ковер ржаных стеблей,— а пыльца с цветущих колосьев, облачками уносившаяся в болотную низину.

Здесь кончался длинный язык Судовицкого болота, по которому Аркадий второй день гнал свой нивелировочный ход, отдалившись от Брустина, где он квартировал, на добрый десяток километров. Там, у деревни, было настоящее болото, где невысокие сосенки стояли далеко друг от друга, утопая в сыром мхе, неживые и скучные, словно нежеланные гости, кое-как пристроившиеся в неуютном месте. А чем ближе к Черноярову, тем выше, стройней и гуще они становились, все теснее сходились друг с другом, взбегая на песчаные пригорки, обступая с обеих сторон тропинки и дорожки и все более тесня болото. А потом вокруг замаячили светло-зеленые поля ржи.

— Посидите здесь! — сказал Аркадий двум мальчуганам, работавшим вместе с ним.— Я пойду наверх, осмотрюсь.

Пройдя по тропинке рожь, а затем выкошенную пожню, Аркадий остановился у первого огорода. Низина, заросшая кустами и соснами, раскинулась теперь впереди, заливая зеленью все пространство до голубых холмов на горизонте. Ему приходилось бывать и там. Отсюда они казались горной цепью, но когда войдешь в них, не понять, где же вершины, видимые издалека. Невысокие холмы лежат вокруг, иные опоясанные полосками пашни, иные заросшие лесом до самой вершины. Сколько ему, ленинградскому городскому парню, пришлось повидать таких вот мест! Он сел на камень и прислонился к изгороди.

— Вообще отдохнуть не мешает. Ходишь-ходишь, и словно бы нет конца этим болотам, перелескам, полям и дорогам, похожим одна на другую.— Он повернулся так, что плетень затрещал за его спиной.

— Ой, кто это там? — вдруг послышался в огороде испуганный девичий голос.

Аркадий вскочил с камня и повернулся. Среди гряд, опушенных молодой зеленью овощей, стояла невысокая девушка.

— Вы, пожалуйста, поосторожней,— попросила она.— Коровы его и так расшатали. Если он развалится, мне не поправить.

— Я нечаянно,— сказал Аркадий.

Девушка вышла из гряд и стояла недалеко от него. Она была в том возрасте, когда трудно сказать, что нежней и приятней — ослепительно ли белая простенькая блузка, видимо, впервые надетая, или полудетское, свежее, розовое, чуть тронутое загаром лицо и тонкие руки, охваченные пышными, на сборочках рукавами.

— Вы здесь живете? — сказал Аркадий первое, что пришло ему в голову.

— Я не хожу по чужим огородам,— ответила девушка.

— Простите, брякнул, не подумав. Угостите водой! До безобразия хочется пить.

— Стакан или ковшик?

— Ведро! И обязательно до краев. Я высох от жажды.

— Посидите немного на лавочке, я схожу на родник за свежей водой.

У нее были удивительно добрые, спокойные глаза.

— Ну что вы! Зачем из-за меня беспокоиться? Давайте, какая есть.

Около избы на высокой липе был прикреплен длинный, очень тонкий шест со скворечником наверху.

— Шест неудачный,— заметил Аркадий.— Скворечник дрожит, и птенцы могут заболеть морской болезнью.

Девушка удивленно и вместе с тем доверчиво взглянула на него.

— Правда? Это я такой поставила, чтобы наша кошка туда не забралась. Но, по-моему, у птиц не бывает морской болезни.

— Я тоже не совсем уверен,— поспешно сказал Аркадий.— Это моя личная гипотеза.

Изба была разгорожена большой синей занавеской на две части. В первой, большей, стояли две старые кровати, стол, покрытый потертой клеенкой, на нем букетик цветов в консервной баночке и портрет усатого мужчины. Второй такой же портрет, только увеличенный и тронутый акварелью, висел на стене. Несмотря на усы и довольно хмурый вид, мужчина явно походил на девушку.

Напившись, Аркадий вытащил из сумки шоколадку.

— Это вам!

— Спасибо! — смущенно ответила девушка, взяв шоколадку не пальцами, а по-детски подставив ладошку, испещренную белыми пятнышками мозолей.

Когда они вышли в огород, Аркадий спросил:

— Вы часто бываете здесь, Анечка?

— Почти каждый день, и то все запустила. За травой не угонишься. Маме все некогда, а я ужасно люблю огород, и лес люблю, и поле тоже. Меня Леной зовут.

Шоколадку она держала в руке, видимо, стесняясь развернуть бумажку при нем.

Аркадий перелез через изгородь и пошел по тропинке. Пожня вокруг была низкая, но мелкая; плотная, убитая травка дорожки не пошла под косу, и теперь тропинка не утопала, как обычно, в спутанных стеблях трав, а, наоборот, зеленым выпуклым кантиком бежала по серовато-желтой земле.

Дойдя до ржи, Аркадий остановился. Ему вдруг ужасно захотелось вернуться. От этой девушки словно бы исходило тепло. Он не мог понять, что это было, но что-то очень приятное. Надо было что-нибудь придумать.

Он огляделся. Недалеко от него большая разноцветная бабочка опустилась на широкий белый веер аниса. Он быстро снял свою полевую сумку и бросил в нее. Попал, и даже слишком удачно: от бабочки остались одни лохмотья со стертой пыльцой. Он присел на корточки. По земле у корней трав ползали маленькие неинтересные жучки. «А, все равно!» — решил он и, сорвав несколько первых попавшихся цветков, повернул обратно.

— Вы знаете,— сказал он, когда Лена обернулась на треск изгороди,— всю жизнь хожу по полям, а в цветах ничуть не разбираюсь. Ну вот это, например, что такое?

Она не могла ответить: рот ее был набит шоколадом. Взяв от него охапку цветов, она присела на корточки и быстро разложила цветы по земле своими короткими пальцами, концы которых были исколоты и поцарапаны. И до чего ловко она раскладывала и разворачивала зеленые стебельки и пестрые венчики!

— Вы их, как сено, мнете,— произнесла она наконец, справившись с шоколадом,— а они такие красивые. Это вот переступень, он тут у плетня расположился. Жевать его нельзя — отравитесь. Это вот куколь, по краям ржи растет. Совсем как гвоздика, правда? А вот это шалфей. Его можно собирать и носить в аптеку.

— Вот бы мне столько знать! — сказал Аркадий.

Пройдя рожь и выйдя на окраину болота, он присел на камень. Словно бы это было не то место, где он проходил полчаса назад. Почему же он не заметил, что этот пригорок так зарос смолянками, точно его накрыли куском красного шелка? Кусты ольшаника, пышные, темно-зеленые, нависали над травой, которая, словно ленточка, отделяла их от ржаного поля. И они тихо шумели от ветра. Будто бы сердились, что их не пускают дальше. И что за славный воздух был вокруг! То налетит облачко ржаной пыльцы, то из болота пахнет сыроватым запахом мха и листьев. До чего же красиво было все это!

На другой день Аркадий пошел в Снятницы, где квартировал техник их же партии Ильвес. Тот сидел за столом в своей чистенькой курточке и не спеша обедал. Стол был покрыт бумажной скатертью с красивой каемочкой. С собой Ильвес всегда возил набор пластмассовой посуды — сахар лежал у него в красной коробке, масло — в зеленой, и ему не надо было искать, где что находится. Хлеб он заворачивал в кальку. Это придавало хлебу не совсем приятный запах, но зато совершенно оберегало от пыли. А больше всего в жизни Ильвес не любил грязи и беспорядка.

— Пришел взять отметку? — спросил он, освобождая край стола для гостя. — Пешком?

— Нет, в такси! — передразнил Аркадий.— Тебе с велосипедом легко, а я до сих пор пальцы грызу, что свой дома оставил. Думал, в болоте не понадобится.

— У нас катастрофическое несчастье!— сказал Ильвес, приложив руку к груди и закатив глаза.— Репер у Семилова разбит. Дом в войну еще сгорел, и репер упал. Я выкопал его из этого, ну уголь и зола, и притащил сюда. Открой тряпку сам, у меня мытые руки.

— Слезай — приехали!— присвистнул Аркадий, снимая тряпку и осматривая массивный чугунный репер, напоминавший по форме гвоздь. На толстой его шляпке виднелись буквы и номер. Когда-то он был вделан в фундамент дома, и его точно определенная по отношению к уровню моря высота была занесена в каталог.— Начальству звонил?

— Товарищ Фокин приказал взять отметку у Кондратьева. У него есть репер на мосту. Это будет через две недели. Ориентировочно.

— Ждать две недели? Этак мы с тобой до морковкиных заговен не справимся. А знаешь что, предлагаю отличный план. Последний пикет я вколотил вчера у Черноярова. Завтра погоню ход дальше, выйду к Шепырям, а там у большака есть грунтовой репер. Его-то никуда не дели.

— Погоди, какие морковкины? И как ты погонишь ход? Надо разрешение начальника! Тебе же не оплатят!

— Ни черта ты не понимаешь, Калью! — весело сказал Аркадий.— Это ж для пользы дела. Будешь звонить Фокину, сообщи об этом. А заплатят или нет, мне плевать. Зато отметка будет у нас в субботу.

— Ну, если для пользы дела,— важно сказал Ильвес, пододвигая записную книжку.— Как ты это сказал: «морковкины»? Что это есть?— Он не спеша записал объяснение Аркадия.— А теперь садись. Я угощу тебя нашей, таллинской килькой. Недавно мамочка прислала мне посылку.

С утра Аркадий погнал ход дальше, огибая черноярковский холм и то и дело поглядывая в трубу на знакомый огород, но, кроме плетня, крыши да скворечницы, он ничего не увидал.

К полудню, пока они не очень отдалились от деревни, он решил зайти в избу и попросить напиться, но, поднявшись к огороду, увидал Лену. Она сидела на траве на разостланном старом полушубке и вышивала какую-то тряпочку.

— Это вы? — сказала она. — Еще не кончили работу?

— Прошу напиться! — сказал Аркадий.

— Ведро или ковшик? — улыбнулась девушка.— Сейчас принесу. Только вы со мной не ходите: мама отдыхает.

— В каком классе учитесь? — спросил Аркадий, не спеша потягивая воду из ковша.— В восьмом?

— В десятом.

— Не похоже!

— Ну вот еще!— обиженно воскликнула Лена.— Никто не верит, а мне полных семнадцать. Вы вообще-то что у нас делаете?

Аркадий рассказал о своей работе, о том, что скоро на Судовицкое болото придут машины, срежут кусты, нароют канав, вспашут землю, а через год эти места нельзя будет узнать.

— Хочу вас угостить! — сказал он.— Вот! — Он протянул девушке красную с золотом коробочку конфет.

— Да что вы, разве можно! — Лена попятилась от него и даже отвернулась.— Я вас всего второй раз вижу!

— Не возьмете — брошу! — пригрозил Аркадий, положив коробку на траву.— Козы зайдут, съедят за ваше здоровье.

— Какой вы однако! — смущенно сказала Лена.

— Нахальный?

— Нет, но...

— Можно будет к вам еще раз зайти?

— Только без конфет!— строго сказала она.

— Шлепаем дальше, молодцы! — сказал Аркадий своим помощникам.— До Шепырей рукой подать.

Но дошли они туда поздно вечером, и Аркадий едва успел разыскать около большака квадратный, одернованный курган грунтового репера, раскопать его, добратвся до головки рельса, прикрытой дощечкой, и, поставив на рельс рейку, взять последний отсчет.

На другой день Аркадий почти пробежал десять километров от Брустина до Черноярова — это был сущий пустяк. Лена сидела на скамейке около дома, рядом с клумбой, заросшей багрово-желтыми настурциями, и читала книжку.

— Это опять я! — сказал Аркадий.— Помешал?

Она подняла на него глаза. Он так и не мог подобрать к ним подходящего слова. Кроткие? Получалось не совсем то. Ясные? Чистые? Вот если бы все эти слова соединились в одно...

— Нет, отчего же,— сказала она.

В избе стукнуло окно, и сердитый женский голос крикнул:

— Лена, иди домой!

Судя по голосу, мать была почему-то недовольна его посещением. «Не из-за конфет ли она так разозлилась?» — подумал Аркадий.

— Значит, больше не выйдете?

— Мне нельзя. Извините, пожалуйста. Пол надо мыть. Потом, наверно, еще дела есть.

— Ну, тогда до свидания! Вернее, прощайте, Леночка! Перебираюсь в другую деревню, километров за двадцать пять отсюда... Но слушайте, мне еще придется побывать здесь. Я зайду к вам, хорошо?

Она кивнула головой.

Знакомая тропинка вывела его на окраину болота. Как странно было покидать все это: кусты, поломанные и помятые коровами, заросли красной смолянки, кочки, то покрытые мхом, то заросшие осокой, сосны, то низенькие и тонкие, утонувшие в мягком мхе, то высокие и стройные на песчаных пригорках! Каким милым и близким стало сейчас для него все это! И каким непохожим на точно такие же кусты, сосны и кочки в других местах!

Он обернулся. Ни огорода, ни дома, ни самой деревни уже не было видно, но что же было здесь, вокруг него, странным образом распространившись на все окружающее?

Переехав в Сухлово, он начал усердно работать и две недели крепился. Допустим, он пойдет туда, не в избу, чтобы избежать встречи с матерью, а к плетню, и дождется, когда она выйдет в огород, хотя бы ему целый день пришлось сидеть там. Ну, а что потом? Что он ей скажет? Если заговорить о чем хотелось бы, она смутится и уйдет. Конечно, смутится. Они всего три раза встречались. Говорить о пустяках? Да они, может быть, больше и не увидятся. Нет, лучше не ездить туда совсем.

Не ездить совсем? Но он думал о ней с утра до вечера, видел ее во сне. Дошел до того, что иногда застывал у трубы инструмента: казалось, вдруг там, далеко, появится знакомый плетень и белое пятнышко. Нет, он должен был ехать. Что бы она ни сказала, что бы ни сделала, он увидит ее, а это — самое главное.

В воскресенье утром он побежал к Ильвесу — тот жил теперь неподалеку — и попросил велосипед. Ильвес замялся и умоляюще посмотрел на приятеля. Велосипед был такой же чистенький и блестящий, как и сам Ильвес и его вещи, аккуратно расставленные в избе.

— Ну, чего боишься? — сказал Аркадий. — К вечеру вернусь. Сломаю — новый куплю по твоему выбору. Запачкаю — простыни не пожалею, оботру, как младенца после купания. Ну, думай скорей! Понимаешь, очень надо съездить! Забыл там одну вещь!

— Что ты мог забыть в Черноярове? — удивился Ильвес, выводя, однако, велосипед из чулана.

— То, что ты никогда не забудешь в чужом месте, — весело сказал Аркадий, становясь на педаль.— И не делай страдающего лица. Может, дождя боишься? Я тогда машину на спине понесу. Клянусь!

— Ты в лесу осторожно! — сказал Ильвес, поджимая губы. На велосипед он смотрел с грустью, как смотрит мать на ребенка, отпуская его в подозрительную компанию.— Там эти, как их, корневища и камни.

— Ладно! — крикнул Аркадий, вылетая за ворота.

Ветер был попутный, и хотя на горизонте с самого утра валами лежали темные тучи, казавшиеся при сиянии солнца еще угрюмее и чернее, и словно ждали сигнала, чтобы броситься вперед и завалить своими телами синеву, Аркадию казалось, что за целое лето не было лучшей погоды. Огибая рытвины и ухабы, он не ехал, а летел, и чем ближе подъезжал к чернояровской котловине, тем приятнее становилось для него все вокруг.

Лены не могло быть здесь, но ему казалось, что она была везде, может быть, на этой дорожке, нырявшей в кусты, может быть, в густом сосняке. Она могла пройти тут с корзинкой за ягодами или с веревкой за хворостом. Эти места стали теперь живыми для него, и их душой была маленькая розовощекая девушка из деревни, самое название которой звучало для него, как песня.

Чем ближе к Черноярову он подъезжал, тем больше нетерпение сжигало его. Он решил срезать дорогу, обходившую самые низкие места, и пошел напрямик, через редкий кустарник. Цветы позванивали, ударяясь головками о велосипедные спицы: маленькие чуть слышно, большие погромче.

В кустах он наткнулся на стадо. Коровы едва протискивались меж тонких стволов ольшаника, так что треск был слышен издалека. На полянах козы лежали неподвижно, словно высеченные из белого камня.

Несмотря на подъем, он почти бежал и только у самой деревни остановился, чтобы перевести дух и подойти к избе не торопясь.

Миновав узкий прогон, он свернул на улицу и около знакомой избы увидал полуторатонку, груженную вещами... Какая-то женщина, закутанная в теплый платок, видимо, мать Лены, стояла в кузове, что-то укладывая там. Она не обратила внимания на Аркадия. Лены не было видно.

— Доченька, давай скорей! — нетерпеливо крикнула женщина.

Лена выбежала из палисадника. В руках у нее была стеклянная консервная баночка, в которую она пересадила кустик багрово-желтой настурции.

— Уезжаете? — спросил Аркадий.

Может быть, она и пошутила бы насчет глупого вопроса, но ей было не до того.

— Да,— грустно ответила она.— Навсегда. Будем жить теперь в городе. Конечно, там интересно, но мне так не хочется уезжать отсюда! Ах, как не хочется! — жалобно продолжала она.— Знаете...

— Ты все-таки тащишь эту дрянь? — спросила мать.— Брось банку, там таких сколько угодно.

— Нет! — умоляюще ответила Лена, прижав банку к груди.— Это на память!

— О чем же? — насмешливо спросила мать. — Ну, лезь живее!

Лена передала банку матери, вскарабкалась на шину и затем перевалилась в кузов.

— Прощайте, прощайте! — Она махнула рукой Аркадию и, оглянувшись кругом, посмотрела и на него, словно и он был частицей того, что ей не хотелось покидать.

— Можно ехать, Иван Петрович! — крикнула мать, усаживаясь и плотно укутываясь платком. Она никуда не смотрела и, видимо, с радостью покидала эти места.

Взрыв шинами комья земли, машина тронулась. Аркадий стоял посреди дороги и смотрел ей вслед. Он даже не успел спросить, куда они уезжают. Еще раз Лена махнула ему рукой.

Если бы он мог крикнуть: «Остановись! Останься!»... Все уезжало вместе с ней. Маленькая полуторатонка еще виднелась вдали, но казалась не зеленой, а черной, и уже не видно было, как она подпрыгивает и качается на ухабах. А дальше был поворот дороги, и вот-вот машина должна была исчезнуть за ним, исчезнуть навсегда.

Медленно он спустился с чернояровского холма. Все померкло вокруг. Это были не те деревья, которые он видел полчаса назад. Это не те кусты смыкались в зеленое море вокруг него. Может быть, здесь по-прежнему было много красных, белых и желтых цветов, но он не видел их. И какой темный, холодный день лежал на земле!

Ехать по извилистой лесной дороге, на которой то и дело проступали черные узловатые сосновые корневища, было трудно. Он вспомнил лицо Ильвеса и сошел с велосипеда. Звенящая туча комаров и слепней вилась во-

круг него. Вероятно, они были здесь и раньше, но тогда он их не заметил. Высокие стебли крапивы склонялись над обочиной дороги. Сначала он обходил их, потом перестал обращать внимание, хотя плечо уже горело: жгучие стебли прожгли рубашку. «Все равно, — подумал он,— теперь все равно!»

Сквозь поредевшую массу хвои и листьев впереди обозначилось темное небо; дорожка выпрямилась и стала шире. Он выехал на опушку. Зеленая рожь тянулась до самого горизонта. Сильный ветер дул навстречу, и комары, сбитые им, вернулись в лесную тишину. Черные круглые тучи плыли навстречу, низко опустившись над землей. С их днищ свисали еще более темные куски, словно вырванные из тела туч и готовые вот-вот упасть на землю.

Дождь захватил Аркадия в чистом поле, километрах в пяти от Снятниц. Его рубашка сразу промокла, и капли дождя, шлепаясь об ее ставшую глянцевитой поверхность, сбегали на землю. Такие же капли бились о металл машины, и Аркадий подумал, что и ему сейчас, как и этой машине, все равно, идет ли дождь или греет солнце.

Дорога свернула в болото, и началась взъерошенная гать, на которой всюду торчали комли и верхушки наваленного на нее валежника. Спотыкаясь и скользя на осклизлых прутьях, Аркадий осторожно повел машину, чтобы ненароком не сорвать спиц. Он представил себе, какое страдающее лицо будет у Ильвеса, когда он увидит свою измызганную машину. А дождь все шел, и за пеленой туч солнце иногда проглядывало неясным, едва обозначенным кружком.

В Снятницы Аркадий пришел в таком виде, что Ильвес, выскочивший ему навстречу, только спросил:

— Почему ты не переждал дождь?

— Где? — равнодушно спросил Аркадий.— Ты же знаешь эти места. Извини за машину! Дай тряпку, я ее вычищу.

— Не будь дурак! — заорал Ильвес.— Ты очень хочешь заболеть? Машину я вытру сам. Иди в комнату и прими лекарство. Оно в белой коробочке на окне.

— Я не болен,— спокойно сказал Аркадий.— И ни черта со мной не случится. Сейчас я пойду домой и там высохну.

— Куда? Зачем? Ты сошел с ума! Ты обезумел! — еще громче закричал Ильвес, видя, что Аркадий собирается уходить.— Я не хочу делать твою могилу. Ну прими хотя одну таблетку!

— Спасибо, дружище. Мне недалеко. Еще раз извини за машину.

Прошел август. Сжали рожь. Молодые скворцы уже собирались в стаи, готовясь к отлету. Аркадию вновь пришлось побывать в чернояровской низине. Он прошел по знакомым местам, где когда-то прокладывал нивелировочные ходы. Трава высоко поднялась, его следы исчезли, только поваленные кое-где осинки да березки напоминали о его работе. Но скоро сюда должны были прийти машины. Поздней осенью этого места уже не узнаешь. Тяжелый болотный плуг повернет темно-коричневые торфяные пласты. Но на чернояровском пригорке останутся те же избы, огороды.

Он подошел к знакомому плетню. Какая-то нелепая, смешная надежда появилась в нем: а вдруг, вот сейчас, он увидит ее среди опустевших гряд?

Но в огороде никого не было. Картофельная ботва потемнела и пожухла. Там, где раньше была капуста, торчали одни кочерыжки. Сквозь строй высоких вишен, окружавших огород, виднелись окна знакомой избы и белые занавески на них.

В комнате стояли совсем другие вещи. Синяя занавеска исчезла, печь была выбелена, у окна стоял большой стол, накрытый блестящей клеенкой. На нем не было букетика цветов в стеклянной банке, и на стене висели другие картинки. Парень с толстым лицом, в начищенных сапогах, сидел у стола и читал книгу.

— Разрешите напиться! — попросил Аркадий.

— Ведро около вас, ковшик там же,— ответил парень и, лениво зевнув, перевернул страницу.

— Здесь, по-моему, раньше другие квартировали? — осведомился Аркадий, не спеша прихлебывая воду.

— Точно! — отозвался парень.— Учительница с дочкой. Еще летом уехала. К мужу. Он, видишь, расщедрился: пять лет не вспоминал, а потом вспомнил.

— Вот как,— сказал Аркадий, зачерпывая еще воды.

— А она тут и жила. Все от него вызова дожидалась. Совсем хозяйство запустила. Насилу мамаша порядок навела.

— А они что, — Аркадий говорил размеренным тоном, чтобы не выдать своего волнения,— кажется, в Московскую область переехали?

— Зачем в Московскую? — удивился парень.— Город Луга, улица Савина, дом восемнадцатый. Это мне точно известно. Ленка адрес оставила. Самой-то Марии Марковне тут хоть сгори все, а Ленка очень просила, если, говорит, соберешься, напиши, пожалуйста, как тут живете и все прочее. Мы с ней в один класс ходили.

— Значит, совсем уехали,— сказал Аркадий.— И огород продали?

— Мы и купили. Огород славный. Елена на нем безвылазно сидела.

— Ну, спасибо, товарищ! — весело сказал Аркадий, выплескивая воду за дверь и ставя ковшик на место.— Большое спасибо!

— Вы тут что, на работе, наверно? — спросил парень.

— Болото осушаем! — откликнулся Аркадий уже из-за двери.

Дождь собирался нагрянуть с самого утра, и все нахохлилось и как-то прижалось к земле, ожидая его появления. Но потом это ожидание всем надоело, а тут еще солнце, воспользовавшись случайным просветом, пробежало по земле золотыми своими лучами. И хотя тучи спохватились и тотчас сердито завалили просвет, на земле поняли, что бояться их нечего. Вокруг ничего не изменилось, в сыроватом воздухе был разлит все тот же неяркий, серый свет, но природа как бы сбросила с себя мрачное оцепенение и заговорила всеми своими голосами: где-то дятел застучал по сухому стволу с таким ожесточением, словно торопился закончить работу к сроку, птицы зачирикали совсем по-летнему, и свист их оживил все вокруг, листья, хотя и погрубевшие и лишенные свежести, зашумели от легкого ветерка как ни в чем не бывало.

Хорошо было идти, то спускаясь в низинки, то поднимаясь на песчаные взлобки, заросшие сосняком и вереском. Она уехала, но что-то от нее осталось здесь. Стараясь представить себе дорогу до Луги, неизвестную ему, Аркадий думал, что и там, на этой дороге, какой бы она ни была, тоже должно быть хорошо. Словно бы его любовь стала теперь душой и тех незнакомых ему мест.

— Город Луга, улица Савина, дом восемнадцать,— повторил он и улыбнулся. Эти слова сейчас были для него стихами. Он мог повторить их сто раз подряд и даже пропеть, если никто не услышит, кроме дятла, листьев и неба.

Луга! Он представил себе карту. Отсюда на юго-восток. Значит, туда, мимо той деревни и того холма, заросшего лесом. Примерно сто пятьдесят километров. Далеко? Пустяки! Даже на велосипеде он был бы там за сутки. А что скажет мать? И почему она злится? Может быть, она просто не поняла? А сама Лена? Ведь она не сказала ни слова. А что она могла сказать и когда? За три-то встречи! Он и сам ничего не успел сказать. Он напишет письмо. Потом еще одно, чтобы знать, что почта не подвела. А потом явится сам на улицу Савина, дом восемнадцать. Что сказать Лене? Неважно. Лишь бы видеть ее! Лишь бы слышать ее голос! Лишь бы стоять с нею рядом!

У памятника Петру

Надежда ПОЛЯКОВА

Сам по себе еще бессмыслен камень.
Но предок мой, свою судьбу кляня,
Его тесал и согревал руками
Для вздыбленного всадником коня.

А после ахнул: — Экая махина! —
И, знамение крестное творя,
Шапчонку снял, согнул в поклоне спину
И не узнал во всаднике царя...

И я дивлюсь той бронзе величавой.
Но, тронув камень, ощущаю вдруг
Всю теплоту натруженных на славу
В рябинках от гранитной пыли рук.

Мой предок не был ни богат, ни знатен,
Но тем в веках прославлен и силен,
Что города великий основатель
Его мужичьей силой вознесен.

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

В честь праздника

Юбилейное блюдо.

Фарфоровая ваза.

В дни празднования 250-летия Ленинграда в Высшем художественно-промышленном училище имени В. И. Мухиной откроется юбилейная выставка.

Среди произведений художников-керамистов, посвященных юбилею Ленинграда, особо выделяется большая фарфоровая ваза с портретом В. И. Ленина.

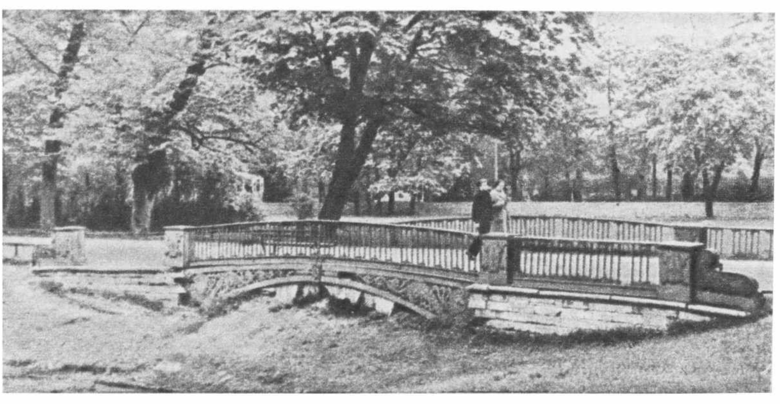
Красивы керамические блюда с видами Ленинграда; удачно сочетаются два материала — золоченая бронза и стекло — в большой, монументальной вазе с надписью золотыми буквами «Город Ленина славен в веках».

Среди других экспонатов — памятная доска, на которой с ювелирной тонкостью выгравировано изображение здания Адмиралтейства, большой круглый стол, на крышке которого мозаикой из кусочков дерева разных цветов и оттенков набраны изображения исторических и архитектурных памятников Ленинграда.

Все экспонаты сделаны воспитанниками и преподавателями училища.

В. КАЛИНИН,
директор Музея Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной.

Мосты... на земле

Мост на лужайке Михайловского сквера.

В Ленинграде много чудесных чугунных мостов. Они воспеты поэтами. Но я хочу поведать вам о таких мостах, которые не «повисли над водами», а спокойно, врастяжку лежат на земле. Один такой мост оказывается перед пешеходом, идущим по набережной Фонтанки от Цирка к Инженерному замку. Этот замок был дворцом императора Павла, сидевшего в нем, как в крепости. Замок был окружен широкими рвами, через которые были перекинуты подъемные мосты. Потом на месте этих мостов соорудили постоянные, а позднее засыпали и рвы. Так и оказался мост на набережной Фонтанки. Еще удивительнее другой мост, расположенный в Михайловском сквере. Вы его видите просто посреди садовой лужайки, весело зеленеющей каждым летом. Когда-то он тоже был замковым, то есть подъемным,— до того, как замковый ров был превращен в лужайку...

В. ТРОФИМОВ,
доцент.

Славная история

Особое место среди юбилейных изданий занимают три тома «Очерков истории Ленинграда», подготовленных сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР и других научных учреждений города. Среди авторов крупные специалисты по истории СССР: М. Вяткин, С. Волк, Б. Кочаков, А. Предтеченский, Ш. Левин, архитектор А. Гегелло, музыковед Ю. Келдыш, специалисты по истории театра, живописи, кино.

Вышедшие в свет тома «Очерков» освещают историю города с момента основания до Февральской революции 1917 года включительно. Великому Октябрю и социалистическому Ленинграду будет посвящен подготовленный сейчас IV том.

Круг вопросов, затронутых авторами, весьма обширен: историко-географический очерк территории города до его основания, экономическая жизнь города, развитие искусства, науки и просвещения в Петербурге — Петрограде, общественная и политическая жизнь, архитектура города, развитие городского управления и городского хозяйства и т. д.

Главы по истории населения в I томе «Очерков» рисуют замечательный подвиг «работных людей», чей исполинский труд позволил воздвигнуть город заводов и верфей, город-порт, ставший непоколебимым стражем на северо-западной границе России. Во II и III томах особое внимание уделено положению петербургского пролетариата в конце XIX — начале XX века.

Значительное место в вышедших томах занимает славная революционная история Петербурга — Петрограда: восстание декабристов на Сенатской площади, деятельность великих революционеров-демократов и революционных народников и, наконец, первые шаги рабочего движения.

Более 60 лет тому назад В. И. Ленин принес в рабочие кварталы Невской и Нарвской застав учение научного социализма. В «Очерках» показана неразрывная связь великого вождя революции с питерским пролетариатом, который с 90-х годов XIX века шел под ленинским знаменем.

Петербург был крупнейшим культурным центром России. «Очерки» рисуют возникновение Академии наук, деятельность замечательных ученых — Ломоносова и Менделеева. Перед читателями встают портреты людей, составляющих гордость русского народа,— Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Толстого и Горького, Глинки и Мусоргского, Чайковского и Римского-Корсакова.

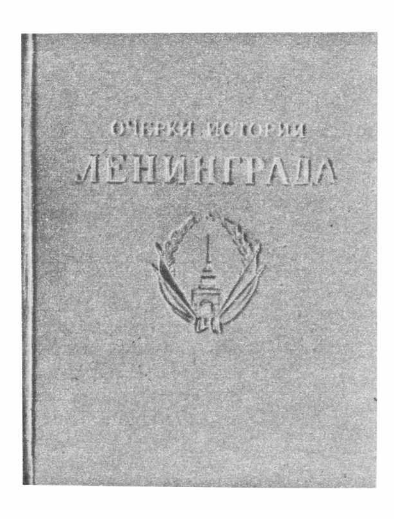
В «Очерках» подробно излагается история замечательных архитектурных ансамблей Ленинграда, создавших ему славу одного из прекраснейших городов мира.

Авторы «Очерков» используют много впервые публикуемых архивных документов.

Популярные и доступные по изложению «Очерки истории Ленинграда» — значительное событие в советской исторической литературе.

Г. ЗАВАРУХИН

Очерки истории Ленинграда. Тома I, II, III. Изд-во Академии наук СССР, Москва — Ленинград, 1955—1957.

Книги, брошюры, альбомы...

Многочисленные гости из-за границы, со всех уголков страны приедут на праздник 250-летия Ленинграда. Ленинградцы хотят, чтобы они увезли с собой и сохранили на долгие годы память о городе-герое. Вот почему сейчас ленинградские типографии ежедневно выпускают сотни книг, брошюр, альбомов...

«Ленинград — это город трех революций, колыбель Великого Октября,— такими словами начинается только что вышедшая в свет книга В. Шварца «Ленинград».— Его улицы и площади — живая летопись славных событий: здесь каждый камень — история, почти каждый дом — памятник. Здесь, над Невой, в осенний вечер 1917 года прогремел выстрел с «Авроры», эхо которого отозвалось во всем мире; отсюда телеграф разнес народам незабываемые слова первых ленинских декретов — о мире и о земле».

Лениздат выпустил хорошо оформленную, с многочисленными иллюстрациями книгу «Достопримечательности Ленинграда», рассказывающую об исторических революционных местах, связанных с именем В. И. Ленина, о Смольном — штабе революции, крейсере «Аврора», Петропавловской крепости...

Одна из крупнейших в стране типографий, «Печатный двор» имени А. М. Горького, печатает книгу «Город великого Ленина». Ее размер — 42 печатных листа. В ней можно прочесть об истории города, промышленности, культуре, городском хозяйстве. В составлении книги принимали участие видные ученые, хозяйственные, партийные и советские работники. Книга также богато иллюстрирована, в ней много красочных вклеек.

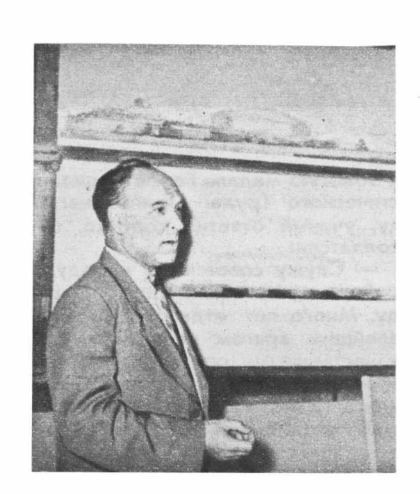
Выходит альбом «Архитектура Ленинграда». «Энциклопедию Ленинграда» готовит издательство «Советская энциклопедия». Это будет большой том, в котором рассказывается о городе с момента его возникновения и до сегодняшних дней. Издано несколько красочных альбомчиков карманного типа: «Музей В. И. Ленина, Ленинградский филиал», «Виды Ленинграда», «Государственный Русский музей», «Государственный Эрмитаж», «Ленинградское метро». В магазинах продаются красочные «раскладушки». Каждая из них, состоящая из восьми фотографий, рассказывает о достопримечательных местах: о Разливе, где скрывался В. И. Ленин, об Актовом зале и комнате В. И. Ленина в Смольном, о Петропавловской крепости, о парках Петродворца...

Н. БОГДАНОВ,
заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС.

ВСЕГДА КРАСИВЫЙ, ВЕЧНО ЮНЫЙ

И. ФОМИН,
действительный член Академии строительства и архитектуры

Хотелось бы начать разговор с одного счастливого совпадения. Юбилейные торжества проходят в пору летнего солнцестояния. Сейчас в Ленинграде самые длинные дни и самые светлые белые ночи.

В такое время только и любоваться строгим и стройным видом города дивной красоты. Давно восхищает он взор своими неповторимыми ансамблями.

А что нового внесли в облик Ленинграда советские градостроители?

Красивейший город мира Петербург не избежал контрастов, свойственных крупным капиталистическим городам. До революции «отцы города» не включили в официальные его границы те районы, где в рабочих казармах и хибарках ютился заводской и фабричный люд. За этой границей оставались Нарвская и Невская заставы, почти две трети Выборгской стороны.

Ныне за прежними городскими заставами на север, юг и юго-запад тянутся на многие километры просторные магистрали, застроенные новыми многоэтажными жилыми громадами. Проспекты — Московский, Стачек, Энгельса; районы Автова, Щемиловки, Большой и Малой Охты — все это детища нашего советского градостроительства. Более пяти с половиной миллионов квадратных метров жилой площади построено в Ленинграде за годы Советской власти. И, как правило, все новое находится в зоне полностью преображенных рабочих предместий. Прежнюю деревушку Автово, ставшую ныне парадным въездом в город, связывает с Невским проспектом первая очередь Ленинградского метрополитена.

Широко известно, как складывался облик нашего города, расположенного на ста островах, образуемых рукавами красавицы Невы. Все знают, что со времени основания Ленинград отличают геометрически четкая планировочная структура, протяженные широкие проспекты, огромные площади, не превзойденные по размаху архитектурные ансамбли.

Но в конце прошлого века и в начале нынешнего в Петербурге задавали тон всевозможные последователи различных «модных» течений в архитектуре. Они немало постарались, чтобы исказить облик города, нарушить его «строгий, стройный вид».

И если сейчас гости Ленинграда любуются площадью Искусств, Кленовой аллеей, открывающей перспективу Инженерного замка, и рядом других ансамблей в самом центре города, то в этом заслуга и советских градостроителей, вернувших этим композициям ту художественную прелесть и те цветовые решения, которые были задуманы нашими предками.

Если вы восхищаетесь Марсовым полем с его празднично нарядным зеленым партером, площадью Революции, превращенной в цветник, площадью перед Смольным, площадью у Финляндского вокзала, где высится памятник Ленину, то в этом находят признание труды и наших современников.

Сорок лет назад «ревнители старины» с печалью говорили: «Петербург уже пережил апогей своей славы», «померк ныне его блеск». Сегодня эти «трагедийные» слова вызывают только улыбку.

Думаю, что никогда еще не был так прекрасен, так дивно хорош наш великий город, как в этот юбилейный год.

И не только потому, что возрождены в прежней прелести бесценные памятники русского зодчества, но и потому, что к наследию прошлого прибавилось и прибавляется много нового и значительного.

Ленинград — морской город. Но, как ни парадоксально, до Советской власти он не имел настоящего выхода к морю. Стрелка Елагина острова, конечно, не в счет. В наше время на Крестовском острове построен гигантский спортивный стадион и разбит Приморский парк Победы. Однако это еще не придает городу достойной его «морской стати».

Твердой ногой Ленинград станет у моря после грандиозной реконструкции района Гавани на Васильевском острове. Эта работа уже ведется, и недалеко то время, когда ленинградцы получат для прогулок гранитную морскую набережную и морской бульвар. Видом моря они смогут любоваться и из окон и с балконов красивых жилых зданий, которые опояшут набережную. К береговому граниту будут подходить океанские пароходы, и своих заморских гостей мы сможем встречать здесь, у этого парадного морского въезда в Ленинград.

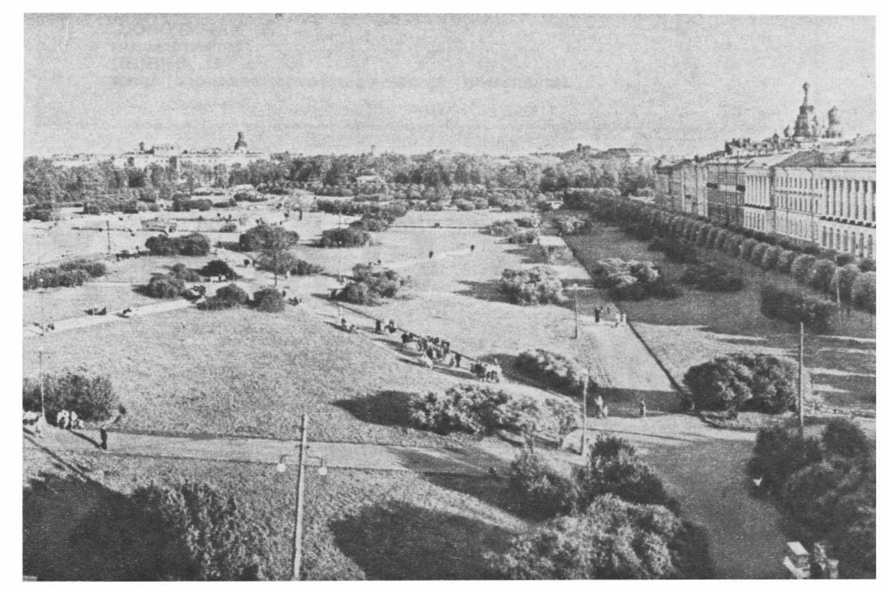
Крупным градостроительным свершением станет обширный архитектурный ансамбль, который появится в районе ипподрома. Центром ансамбля будет монументальное здание Театра юного зрителя.

Но свои главные силы ленинградские зодчие посвящают жилищному строительству, которое приобретет в шестой пятилетке небывалый размах. Намечается построить около 5,5 миллиона квадратных метров жилой площади. Решая эту задачу, мы будем следовать указаниям партии и добиваться, чтобы в сооружаемых зданиях был максимум удобств для человека, чтобы здания были прочны, экономичны, красивы.

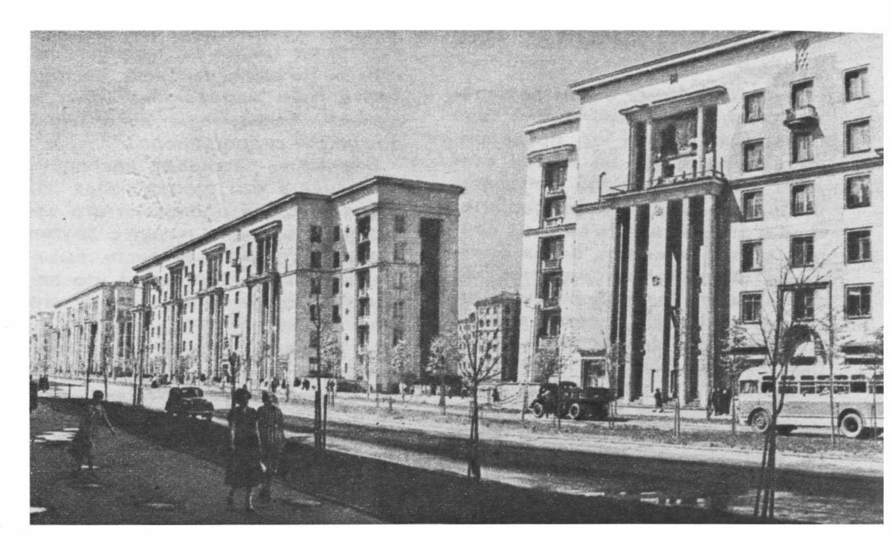
Вы, конечно, помните пушкинские слова: «Прошло сто лет, и юный град, полнощных стран краса и диво...».

В свои 250 лет он по-прежнему юный и еще более дивный, наш любимый Ленинград.

Фото Б. Васильева.

Марсово поле.

Ивановская улица в Невском районе.

Автово.

У СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Дорогая редакция!

Мы старые ленинградцы, бывшие работники Кировского завода. И хотя живем далеко от родного города и уже полюбили Урал, но и Ленинграда нам не забыть. От души поздравляем земляков с юбилеем. Хочется узнать через журнал, как живут, что поделывают наши старые знакомые, знатные люди Ленинграда. Где сейчас Генрих Борткевич, один из первых скоростников? А как поживает новатор с Кировского завода Владимир Якумович Карасев? И еще о выдающемся питерском ученом Николае Николаевиче Петрове хотелось бы узнать новости. А театральный Ленинград! Над чем сейчас работает Юрий Толубеев? А как с театральной молодежью? Растет смена старым мастерам? Когда-то в ТЮЗе играла Нина Мамаева, ей предсказывали большое будущее. Где она сейчас? Будьте добры, расскажите об этих людях.

Работники Челябинского тракторного завода

А. МХЧЬЯНЦ,
начальник термического цеха № 1
В. ШАБАНОВ,
кузнец
А. ХАРИТОНОВ,
штамповщик
П. ОРЛОВ,
начальник кузнечно-заготовительного цеха

Фото В. Киселева, Д. Мовшина и И. Наровлянского.

К. ЧЕРЕВКОВ

1

Генрих Борткевич... И правда, знаменитое это имя сошло с газетных полос. Даже ленинградцы, и те спрашивали: да куда же он девался, Борткевич?

А он никуда не девался. Все так же, что ни день, спозаранку спешит на Выборгскую сторону в родной цех завода имени Свердлова. Только он уже не токарь, а начальник технологической лаборатории...

Может, поэтому о нем перестали писать? Скажем честно: зря перестали. В том, что после рекорда Борткевича на заводе создали технологическую лабораторию, а его назначили руководителем, в этом-то и есть одна из примет нового времени. Когда Борткевич поставил рекорд, это был первый шаг. Когда движение разлилось по стране и сотни лучших токарей стали скоростниками, это был второй шаг. Но надо было сделать еще один шаг: обучить всех станочников работе на высоких скоростях. И тогда-то группа энтузиастов и затеяла лабораторию. Технологическую! Такой еще не было на заводе. Принялись искать наилучшие режимы резания, испытывать разные способы заточки резцов. Когда куйбышевец Колесов перешел на силовое резание, Борткевич тотчас же помчался к нему, и вскоре лаборатория вручила токарям новые резцы.

Мы застали Генриха Станиславовича в цехе у станка. Рядом стоял его товарищ и помощник скоростник Е. Кропачев. Оба были озабочены. Чем?

— Вот что нас теперь беспокоит: вспомогательное время станочников. В этом теперь главный резерв! Подсчитайте, сколько минут тратит токарь на закрепление и съем деталей, на смену инструмента, на измерения... Вот и думаем. Испытываем последнюю новинку — гидросуппорт...

Борткевич рассказал, как прочно вошла в быт завода новая лаборатория, как одолевают его заказами, как много пишут с других заводов страны, как часто бывают гости. Мы спросили: а что переменилось за эти годы в его личной жизни?

— В личной? А вот заканчиваю Институт точной механики и оптики. Шесть лет учусь! Можно было б, конечно, закончить на годок раньше, да отвлекался... Ездил в Германскую Демократическую Республику. Еще перемены? Ну, что ж, извольте: женился. Семья! Сын растет, дочка...

Г. Борткевич и Е. Кропачев.

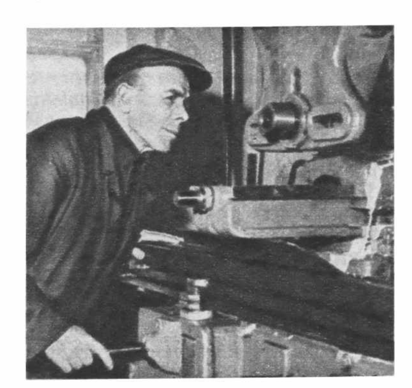
2

Весной в свет вышла небольшая книжечка. Называется она: «Рассказ о декабрьском и февральском пленумах ЦК КПСС». Написана книжка популярно, доступно, с огоньком. Автор — В. Карасев, кандидат в члены Центрального Комитета партии...

Да, это именно тот Карасев, о котором спрашивают уральцы, фрезеровщик с Кировского завода. Это тот самый Карасев, который тысячам заводских людей еще до выхода книжки был известен как автор другой работы. Правда, та работа не была литературной. Это предложенная новатором концевая фреза. Именно эта фреза и сделала имя Карасева известным на множестве заводов страны.

Мы стояли у фрезерного станка. Рядом с В. Карасевым, приготовив блокнот, ожидал работник заводской газеты. Он пришел к Карасеву за интервью. Дело в том, что Карасев предложил еще одну новинку, которая сейчас испытывается на станке, — цилиндрическую фрезу для обработки плоскостей. Что она даст? А вот что: производительность на этой операции возрастет вдвое.

В заводоуправлении нам назвали одну цифру: карасевские концевые фрезы только на Кировском заводе уже дали экономию в один миллион двести тысяч рублей...

В. Карасев.

3

— Очень занят! — предупредил Николай Николаевич Петров, когда мы навестили его.— Сегодня надо сдавать в издательство рукопись книги, а завтра уезжаю в Сухуми.

— Отдыхать?

Восьмидесятилетний ученый вздохнул, покачал головой:

— Нет, какой отдых! Дела.

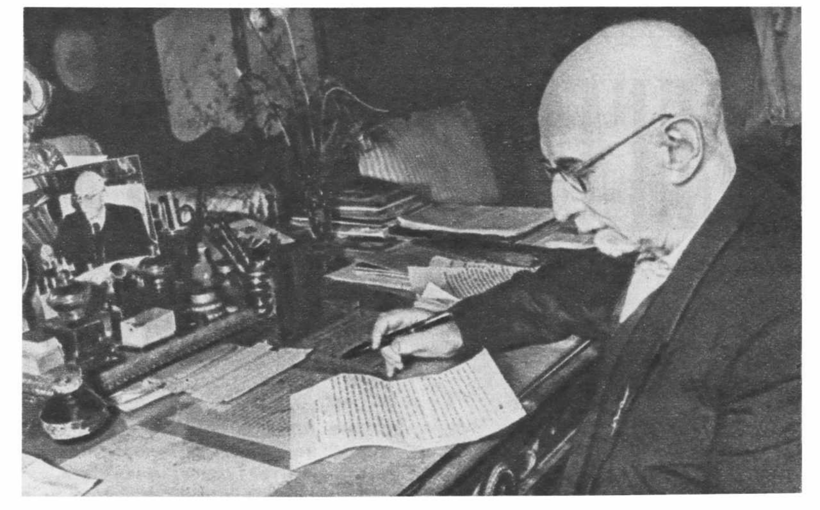
Мы беседовали в его рабочем кабинете. Над головой хозяина висел портрет его отца, виднейшего инженера, питерца, почетного академика, создателя гидродинамической теории трения Николая Павловича Петрова. Николай Павлович строил мосты на Волхове, а сын его Николай Николаевич смолоду посвятил себя медицине. Участник четырех войн, выдающийся хирург Н. Н. Петров от издания к изданию пополнял свой капитальный труд «Лечение военных ранений», впервые опубликованный в 1915 году...

Недавно в исполкоме Ленинградского Совета члену-корреспонденту Академии наук СССР, действительному члену Академии медицинских наук Н. Н. Петрову вручили четвертый орден Ленина и Золотую медаль Героя Социалистического Труда. Приняв награду, ученый ответил коротко, по-солдатски:

— Служу советскому народу!

Да, он всю жизнь служит народу. Много лет отдано борьбе со злейшим врагом человека — злокачественными опухолями. «Динамика опухолей» — так называется книга, в которой уже обобщены многолетние исследования. Но работа продолжается! Зарубежным ученым долго не удавалось искусственно создать опухоли на живом организме, а советские ученые достигли этого. И теперь в Сухуми на медико-биологической станции Академии медицинских наук Н. Н. Петров и его коллеги с помощью радиоактивных изотопов уже получают опухоли на обезьянах. Ученый вплотную подошел к распознанию природы опухолей и причин их возникновения.

Н. Н. Петров говорит о достижениях советских онкологов сдержанно. Проблема борьбы с раковыми заболеваниями настолько остра и так волнует людей, что следует с огромной осторожностью относиться к любого рода прогнозам...

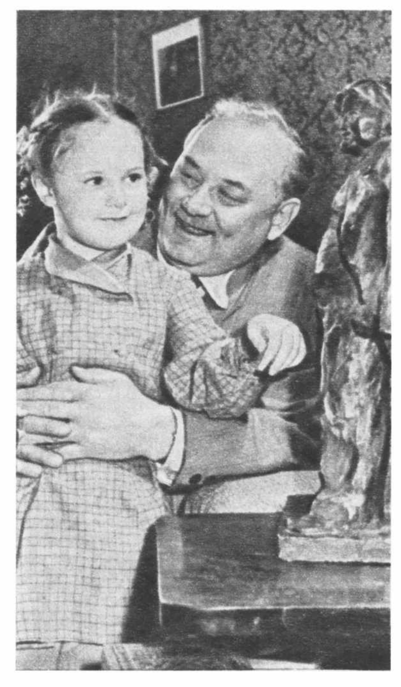
Н. Петров.

4

Полгода завсегдатаи театра имени А. С. Пушкина с беспокойством спрашивали: где Толубеев? А Юрия Владимировича не было в Ленинграде. Зато жители Коктебеля могли частенько видеть пожилого коренастого человека, разъезжающего на осле по выжженной степи перед объективами киноаппаратов. Теперь эту же сцену видят миллионы зрителей. Широкоэкранный цветной фильм «Дон-Кихот», в котором снимались ленинградские актеры Николай Черкасов и Юрий Толубеев, вышел на экраны страны.

Народный артист встречает свое пятидесятилетие в расцвете дарования. Кажется, совсем недавно ленинградцы и москвичи впервые видели его в «Оптимистической трагедии». Затем Толубеев порадовал большой удачей в горьковской пьесе «На дне». Толубеев — Бубнов покорил людей глубочайшей правдой жизни.

За тридцать лет артист сыграл в театре около трехсот ролей, а Санчо Панса был его пятидесятой ролью в кино. Планы? Самые близкие: роль коменданта Кремля в пьесе «Ленин в восемнадцатом году». Дальше? Ну, разумеется, хочется, очень хочется сыграть в хорошей современной пьесе.

Ю. Толубеев с дочерью Людмилой.

Потом он подробно говорит о новом пополнении театра. Называет Мамаеву, Горбачева, снискавших любовь зрителей, горячо отзывается о Шестакове, Штыкан, Таренкове, Паниче... Отличная смена пришла в театр!

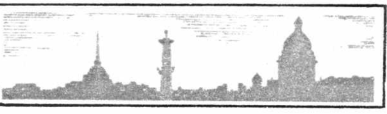
5

Толубеев и Мамаева живут по соседству, через два дома, неподалеку от Смольного. Актриса немного смущена тем, что о ней уже слыхали на Урале. Третий год играет она в Академическом театре драмы имени Пушкина. Сыграны Офелия в «Гамлете», Нина в «Чайке», Полина в «Игроке», Лизанька в «Пучине» — работы серьезнейшие, ответственные. И все-таки она чувствует себя начинающей...

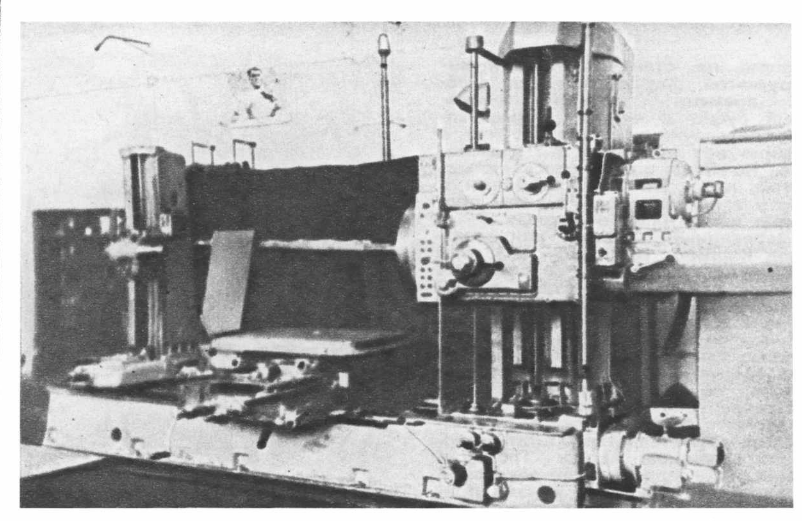
Накануне юбилея Ленинграда Мамаева показала зрителям новую свою работу. Она выступила в острой современной пьесе Лилиан Хелман «Осенний сад». Но не хочется обижать и юных зрителей. И вот снова пойдет в ТЮЗе, откуда она вышла, полюбившийся ленинградцам спектакль «Дневник Наташи Соколовой», и вновь в главной роли ребята увидят любимую свою актрису Нину Васильевну Мамаеву.

Н. Мамаева.

НЕДОПИСАННАЯ СТРАНИЦА

Станок, на базе которого создается «2262-ПР».

Мне хочется сообщить вам об одной недописанной странице истории нашего города. Она не дописана потому, что «герой» — первоклассный станок «2262-ПР», предназначенный для брюссельской выставки,— пока еще находится в процессе сборки во втором цехе нашего завода имени Свердлова. Сделать снимок этого станка еще нельзя. Но я посылаю фото его предшественника — «2620», на базе которого и создается новейший станок для расточных и фрезерных работ. Внешне он будет во многом похож на тот, который запечатлен на фотографии, но его электрическая и механическая части, принципы действия будут совершенно иными.

На новом станке можно растачивать корпуса весом до двух тонн. Управление здесь автоматическое. Станок сам автоматически обрабатывает детали без последующей настройки, пока не расточит все отверстия. Для того, чтобы обрабатывать вслед за этим другую такую же однотипную деталь без настройки станка, стол и шпиндельная бабка сами возвращаются обратно к первоначальному положению. Один рабочий сможет обслуживать несколько таких станков.

Конструкция этого интересного станка создана нашими заводскими инженерами А. И. Кирьяновым и А. М. Разыграевым.

Г. ПАУКОВ,
начальник участка сборки
2-го цеха завода имени Свердлова.

«Заказ революции»

Участники выполнения «заказа революции». В первом ряду второй справа — К. Бахвалов, во втором ряду второй слева — И. Колодин.

Вот пожелтевшая от времени фотография. С нее смотрят участники создания первого блюминга. Среди них можно узнать ныне знаменитых на Ижорском заводе слесарей-сборщиков К. Бахвалова, И. Колодина.

Партия и правительство поручили коллективу Ижорского завода построить первый советский блюминг. Предприятие за всю свою 200-летнюю историю не выпускало подобной машины. Цехи еще не вполне были подготовлены к выполнению ответственного задания: не хватало оборудования, высококвалифицированных специалистов. Но большинство рабочих было уверено, что этот заказ будет выполнен.

— Сделаем! — сказали они.

Этот заказ они назвали «заказом революции».

Прошло девять месяцев, и весь мир облетело известие: «Русские без иностранной помощи построили свой первый блюминг».

С тех пор минуло более четверти века. За это время коллектив Ижорского завода выполнил немало важных и ответственных заданий.

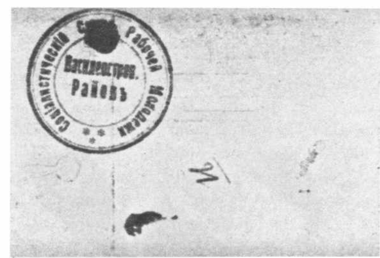
А. МАРЬЯСОВ,
корреспондент газеты «Вечерний Ленинград».

БИЛЕТ № 1

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ СОЮЗЪ
РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ПЕТЕРБУРГЪ.

Выдано члену союза
Василеостровскаго Района
Подрайона
Тов. Г. Петрову.
№ 1
Председатель:
Секретарь: Александров

Может быть, для читателей журнала «Огонек» небезынтересно будет узнать, что в нашем городе создается Музей Великой Октябрьской социалистической революции. Не бывает такого дня, чтобы к нам кто-либо не зашел. Ветераны революции, участники великих событий, происходивших на улицах и площадях революционного Питера, приносят драгоценные реликвии: старые фотографии, пожелтевшие от времени газеты, знамена, ордена, документы.

Совсем недавно к нам поступил билет № 1 члена Социалистического союза рабочей молодежи. Он был выдан в октябре 1917 года Василеостровской районной организацией Петрограда Георгию Федоровичу Петрову. В октябре 1917 года он участвовал в вооруженном восстании, сейчас Г. Ф. Петров — персональный пенсионер.

В нашем фонде бережно хранится переданный сестрой Героя Советского Союза Тимура Фрунзе — Татьяной Фрунзе — пистолет отважного летчика. На рукоятке, украшенной перламутром, высечено: «Летчику - истребителю Тимуру Фрунзе. К. Ворошилов. 4 сентября 1941 г.».

Н. РЕВНИВЫХ,
сотрудник музея.

ПИОНЕРЫ ВЕДУТ ЛЕТОПИСЬ

Пионерские дружины Ленинграда начали в этом году интересную работу — составление летописи своего славного города. Ребята разыскивают очевидцев и участников Великой Октябрьской социалистической революции, записывают их рассказы, воспоминания.

Пионеров интересует все, что относится к истории города, его улиц и переулков, скверов и площадей, зданий и мостов. Почему проспект называется Кондратьевским? Какая самая длинная улица в Ленинграде? Где в нашем районе жил В. И. Ленин?

Ребята узнали, что рядом со школой в доме № 6 по Смольному проспекту с 1913 года по 1935 год жил выдающийся исследователь Центральной Азии Петр Кузьмич Козлов, ученик и сподвижник Пржевальского. Они побывали у жены Петра Кузьмича, Елизаветы Владимировны, которая рассказала подробно о путешествии: она сама была его участницей.

Работа по изучению города продолжается.

Г. КВАШНИНА,
старшая пионервожатая
157-й средней школы.

РОВЕСНИКИ

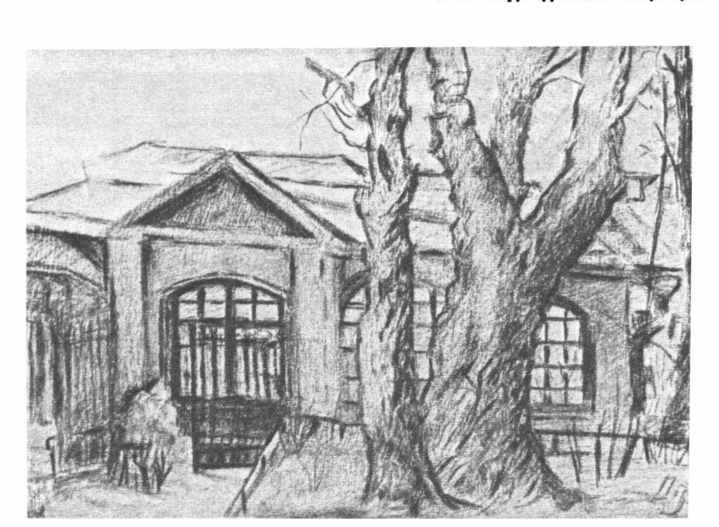
Ольга ФОРШ

Рисунки автора.

Работа собственного воображения должна воскрешать прошедшее сохранившихся и поныне памятников былого. Вот, например, наша сегодняшняя ленинградская «площадь Революции» с ее клумбами, зелеными бордюрами и дубками, недавно посаженными, но уже шумящими густой зеленой кроной; ведь это же былая Троицкая площадь — самое значительное место в возникавшем Санкт-Петербурге, с его Троицким собором и Домиком Петра.

Заложив 16 мая 1703 года Петропавловскую крепость, Петр велел плотникам срубить поблизости домик и для него. Плотники срубили домик царю, как рубили собственные избы, из местной сосны

и поставили его у самой воды. Стены и потолок обтянули некрашеным холстом, крышу выложили деревянной черепицей. На коньке крыши установили посредине маленькую резную из дерева мортиру, а по углам — пылающие бомбы. Пламя у бомб размалевали яркокрасной краской. Все это служило выражением военного значения домика как лагерной постройки и подчеркивало пребывание здесь «капитана бомбардирской роты», как числился Петр в армейских списках.

У домика нет фундамента, он одноэтажный, длина — двенадцать метров, ширина — пять с половиной. Семь очень больших окон мелко расчерчены свинцовыми переплетами. Окна на ночь прикрывались дубовыми ставнями с железными болтами. Самая высокая дверь оказалась ниже роста Петра, так что ему пришлось нагнуться, чтобы в нее пройти. Косяки, двери, ставни были расписаны букетами цветов.

В трех небольших комнатах — кабинете, столовой и спальне — убранство крайне простое, почти все самодельное. Петр, как известно, отлично знал четырнадцать ремесел. Запоминаются добротные скамьи его работы и стулья с очень высокими спинками. Стоит нерушимо более двухсот лет токарный станок, на стене — плотничьи инструменты. Характерны для своего времени узенький головастый буфет и медные замысловатые подсвечники. Удивляет, что в домике нет ни печей, ни дымоходов. Но Петр живал здесь только летом, наблюдая за постройками в порту в новом городе, а зимы проводил всего чаще в походах...

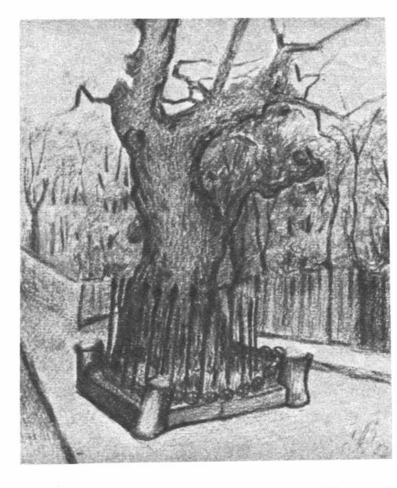
Деревянный домик покрасили «под кирпич», и 28 мая 1703 года при пушечной пальбе со всех шести раскатов крепости царь с блестящей свитой своих приближенных, как пишет историк, «вошел во дворец и изволил в нем кушать». Так на Троицкой площади, под защитой Петропавловской крепости, на старинном «Березовом Острове» (былое название Петроградской стороны) стало развиваться строительство Санкт-Петербурга. Возникла здесь Троицкая пристань — первый петербургский порт. К его причалам начали приходить корабли с голландскими и немецкими флагами. Появились корабли из Венеции и Гишпании. Скоро домик Петра так густо обстроился палатами его вельмож, что сам стал неприметен.

На Троицкой площади, кроме торжеств по случаю встречи иноземных гостей, публичных праздничных гуляний, производились и публичные казни, причем отрубленные головы, «дондеже не истлеют», устрашали народ, насаженные на вбитые нарочито железные колья.

С 1731 года домик защищен был от влияния погоды особой постройкой, которая в 1844 году приняла свой окончательный вид, сохранившийся до наших дней. Этот футляр над домиком и изображен мной на прилагаемом рисунке. Во время Отечественной войны футляр спас домик Петра от немецких зажигательных бомб.

В 1875 году разбили вокруг домика сад с чугунной решеткой, воздвигли посреди небольшую колонну, а на ней бюст Петра — упрощенную копию с известной работы Растрелли-старшего. Почти тридцать лет использовал домик как часовню соседний Троицкий собор. После многих пожаров и реставраций в 1930 году этот собор снесли совсем, а домику Советская власть вернула первоначальный вид и открыла его для обозрения как музей.

Петр жил в домике с 1703 по 1708 год. Когда архитектор Доменико Трезини отстроил ему настоящий прекрасный, хотя небольшой, дворец в Летнем саду, Петр стал жить в нем. На крутой четырехскатной крыше дворца еще издали сверкал, как солнце, большой медный золоченый флюгер с изображением Георгия Победоносца. По углам крыши были трубы для стока воды в виде драконов. Вдоль наружных стен терракотовые барельефы, прославляющие в аллегорических образах славу русского оружия в Северной войне.

В Летнем саду устраивались торжественные приемы иностранных послов, купеческие гулянья, «смотрины невест» и проводились «ассамблеи», введенные Петром для скорейшей ломки окаменевшего боярского быта.

...Деревья — ровесники нашего города — разбросаны в разных местах, и большое удовольствие с ними познакомиться лично. Старшее поколение почему-то их мало знает; шофер, с которым мне пришлось колесить по Каменному Острову в поисках «дедушки-дуба», посаженного собственноручно Петром, так и не смог его найти. А группа школьников, к которым мы наконец обратились, радостно завопила: «Да вот же он!» Они указывали на что-то громадное, незаконно растущее на самой середине улицы.

Подъезжаем. С одной стороны, за высоким забором, в красивой бывшей усадьбе,— дом с колоннами, ныне детский сад, с другой стороны, за деревьями видать,— стройка: новая столовая для кардиологического санатория. А посреди улицы — дуб. В три обхвата, сказочно изогнувшийся, какое-то древесное чудище среди пушистой, сквозной зелени молодых садов. Вокруг дуба чугунная решетка, подальше четыре чугунные искривленные тумбы, на них цепи. Не хватает пушкинского сказочного кота. Могучий гигант словно уперся нарочно, не сдвинется по своей воле. Какой-то особенный, волевой дуб. Его огибают и машины и люди.

Других дубов-ровесников я еще не успела посмотреть, но знаю, есть еще в городе Сестрорецке полуостровок «Дубки», засаженный дубами. Среди них указывают на деревья собственноручной посадки Петра. На Карельском перешейке, у станции Рощино, выросла целая лиственная роща большой красоты и древности. Она тоже считается посаженной при участии Петра.

...И вот еще один памятник петровской эпохи. Как я его искала! Метались, метались с машиной по всей Гавани. Заехали далеко с тыла, в какие-то заводские дворы, куда без провожатого и не доберешься. Потом стали спрашивать встречных и поперечных, выбирая тех, кто постарей. Нашли седого бородатого старожила. Никто не знал, где петровские кроншпицы. И повторилась та же история, что с могучим дубом. Едва обратились к школьникам, они согласованно ткнули пальцами в море и, сказав: «Мы их проходили»,— впрыгнули в нашу машину.

Школьники привезли нас к самому заливу, где для пляжа уже расчищался береговой сор. Сметали его в частые, мелкие кучи. В холодной еще воде ребята купали своих собак, купались и сами в штанишках, которые потом сушили под солнцем на собственном теле.

— Прежде всего тут Петр канал велел прорыть для хождения галер,— сказал один мальчик.— А сторожевые эти башни уже потом...

— Они назывались «дозорные»,— прибавил другой.— В 1721 году выведены. По-тогдашнему звались «кроншпицы».

— К юбилею города готовитесь? Специально о кроншпицах выучили?

— А как же,— не без гордости сказали мальчики.— Ведь двести пятьдесят лет этим башням, как самому городу нашему.

Я села рисовать: передо мной был пейзаж совершенно петровского времени. Крепкие, большеголовые дозорные башни как бы перекликались со своими современниками: и Петропавловской крепостью и Троицким собором на одноименной площади, который я еще сама видела и отлично помню. Эти кроншпицы не только драгоценный памятник архитектуры 18-го века, но и последний сохранившийся свидетель военной славы петровского гребного флота, одержавшего блестящую победу над шведами.

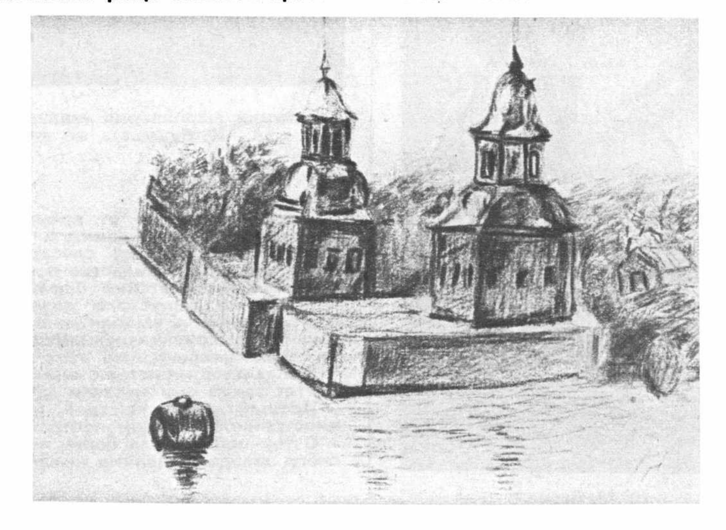
Петр отлично понимал необходимость создания хороших гаваней на Балтийском море и в год заключения Ништадтского мира издал указ о постройке Галерной гавани на Васильевском острове.

Рисуя высокие шпицы, столь характерные для петровского времени, я с почтением вспоминала, что работы в гавани шли под руководством замечательного архитектора Трезини, что для битья свай приказано было отпустить пять тысяч бревен, что дозорные башни были первоначально деревянными и только в 1754 году по проекту архитектора Башмакова «повторены каменные кроншпицы». В 1854 году, во время Крымской кампании, решено было, что на случай появления в Финском заливе английского флота кроншпицы должны превратиться в огневые точки...

Опустошительные пожары несколько раз уничтожали все здания гавани, одни эти петровские кроншпицы продолжали стоять без изменений, только обсыпалась штукатурка да крыша проржавела.

Осенью 1949 года советский архитектор реставрировал дозорные башни.

Кроме своего исторического назначения быть в Петрову эпоху «дозорными» стражами, преграждая врагу доступ в гавань, кроншпицы как тогда, так и сейчас являются живописным, выразительным сооружением среди голубых волн Финского залива.

В. И. Викулов. ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕЙЗАЖ. 1957.

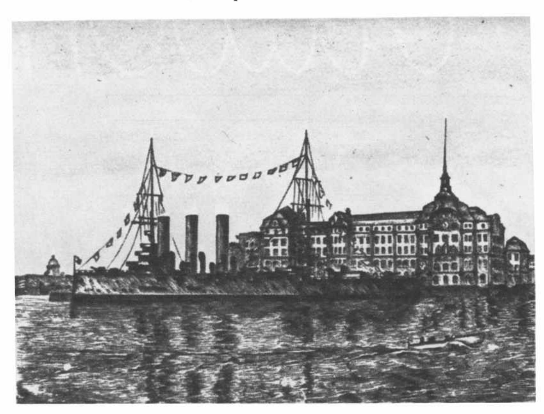

В. А. Серов (1865—1911). ПЕТР I. 1907.

Государственная Третьяковская галерея.

НА «АВРОРЕ»

Борис ЛИХАРЕВ

Гравюра Л. Хижинского.

Китайский коммунист
Приехал в Ленинград:
— А можно ль побывать
На крейсере «Аврора»!
И вот на корабле
Наш славный друг и брат
Вдоль палубы стальной
Идет, сияя взором.

— Хотел бы я взглянуть
На пушку.
— Вот она.
И вздрогнул гость, шагнул...
Как этот миг волнует!
Он к пушке подошел.
Настала тишина.
Он обнял пушки ствол
И трижды сталь целует.

Наш славный друг и брат,
Волненье не скрывай.
За счастье всей земли
Здесь в бой народ поднялся,
От невских берегов
Хоть и далек Китай,
Но этой пушки гром
В Китае отозвался.

Не счесть нам всех друзей,
Что в гости к нам спешат,
И братский наш союз
Мужает год от году...
Китайский коммунист
Приехал в Ленинград.
— Спасибо! — говорит
Он нашему народу.

Глазами друзей

В город на Неве приезжают тысячи друзей из-за рубежа. В 1956 году, например, в Ленинграде гостили 500 делегаций из 64 государств!

Приезжие подолгу стоят у гранитных парапетов набережных, завороженные простором Невы; гости ходят в музеи, дворцы, на заводы, знакомятся с городом и его хозяевами и оставляют в книгах отзывов взволнованные записи.

Многие начинают с Эрмитажа. Полистаем хранящуюся здесь книгу отзывов.

Пишут горняки из Германской Демократической Республики:

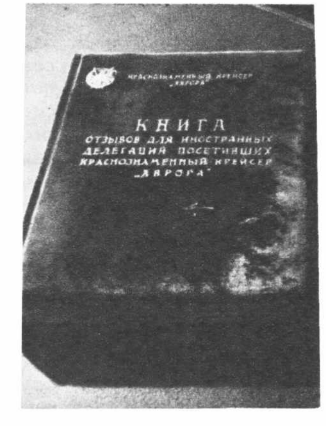
«Нам, немецким рабочим, было особенно радостно посетить это место, где русский рабочий класс начал новую историческую эру. Особенно запечатлелось то, как в Советском Союзе берегут национальную культуру всех стран».

«Я посетил Эрмитаж с британской медицинской делегацией,— пишет англичанин Л. Кромс.— Картины великолепны, но главное впечатление — очевидный интерес многочисленных посетителей к искусству».

«Наука и культура могут объединить все народы, а особенно обе дружественные соседствующие страны — Иран и Советский Союз»,— записал глава парламентской делегации Ирана Мухаммед Саед.

На страницах книги отзывов есть подписи президента Республики Индонезии Сукарно, премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, деятелей культуры Аргентины, Боливии, Вьетнама...

...Ленинградский металлический завод. Во многих концах света известны его турбины, из разных стран приезжают сюда специалисты, государственные деятели, организаторы производства.

Книга отзывов крейсера «Аврора».

«При вашей поддержке мы можем построить в короткие сроки свою собственную социалистическую индустрию. Желаем вам новых успехов в производстве крупных гидро-, паро- и газотурбин!» — это записали представители китайской делегации по техническому сотрудничеству.

...Дворец культуры имени Горького. Вот что пишут о нем побывавшие во дворце гости из Кореи:

«Здесь мы увидели блестящий расцвет культуры трудящихся Советского Союза в период постепенного перехода от социализма к коммунизму».

«...Высокая классовая культура в вашем Дворце придает нам уверенность в конечной победе рабочего класса Японии в борьбе за свою национальную независимость. Мы клянемся, используя ваш пример, вести непоколебимую борьбу за лучшую жизнь, за демократию и мир! Японская профсоюзная делегация».

Нельзя читать без волнения объемистые, переплетенные в голубой бархат книги записей на крейсере «Аврора».

«Это посещение наполняет нас энтузиазмом и придает новые силы для борьбы в собственной стране с тем, чтобы восторжествовало дело крейсера «Аврора», великое дело коммунизма»,— читаем запись на французском языке.

«Да здравствует социалистическая революция! Да здравствует крейсер «Аврора», возвестивший начало борьбы!

Эрнесто М. Браво. Аргентина».

«Я хотел бы быть моряком и бороться за мир.

Ив Маньен. 8 лет».

«Группа коммунистов из Уругвая и Эквадора дала обещание на этом крейсере — символе революционной боеспособности русского народа — прилагать еще больше усилий за освобождение Латинской Америки. Нам будет легче бороться: моряки «Авроры» начали созидание первой социалистической страны — великого Советского Союза».

«Аврора» была зарей и нашей югославской революции!»

В Ленинграде тысячи таких записей, идущих от сердца!

ЛЕНИНГРАДЦЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

«Бунт 14-ти»

Мне хочется напомнить читателям об одном событии, происшедшем в стенах Российской академии художеств осенью 1863 года.

Она всего на полстолетия моложе города: ее основали в 1757 году,— осенью ей исполняется 200 лет. В XVIII веке и в первой половине XIX столетия академия была подлинным центром художественной жизни. Однако в середине минувшего столетия она оказалась в стороне от нарождающегося реалистического течения в искусстве. Первым протестом против застоя в ее стенах был так называемый «Бунт 14-ти». Дело в том, что выпускники должны были писать дипломные картины только на заданную, утвержденную советом тему. Как правило, это были сюжеты из античной мифологии, из библии или древней истории.

9 ноября 1863 года группа выпускников во главе с И. Крамским отказалась писать дипломную картину на заданный сюжет и демонстративно вышла из академии.

Только три десятилетия спустя, в 1894 году, произошла реформа академии и преподавать в ней стали Репин, Маковский, Шишкин и другие.

А. КАГАНОВИЧ,
доцент Института имени Репина.

Там, где жил Радищев

Маленькой девочкой я с матерью приходила с Васильевского острова в дом на Николаевской улице (ныне улица Марата, 14). Мы навещали нашего родственника Николая Михайловича Иголкина. Наш родственник родился еще при жизни А. Н. Радищева! Иголкины были дворовыми Радищева. Н. М. Иголкин умер в конце прошлого века в возрасте ста десяти лет.

«Хорошие, человеческие отношения связывали Радищева с их дворовыми»,— так рассказывал моей матери наш родственник.

Я живу на улице Марата, 14, больше двадцати лет. Мы интересуемся историей дома, стараемся узнать о нем все, что можно. Может быть, и читателям «Огонька» будет интересно узнать, что во времена Радищева наша улица была окраиной и называлась Грязной.

Теперешние квартиры 1, 2, 3, 4, 14 и 16 и составляют бывший дом А. Н. Радищева. В августе 1949 года в ознаменование двухсотлетия со дня рождения А. Н. Радищева на доме установили мемориальную доску с надписью: «В этом доме с 1775 по 1790 год жил выдающийся русский писатель-революционер А. Н. Радищев. Здесь он напечатал в собственной типографии книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

А. ИГОЛКИНА,
работница.

На службе русского флота

Я хочу рассказать читателям «Огонька» об одной потомственной морской фамилии, шесть поколений подряд служившей русскому флоту. Это Бутаковы, в семье которых служба на флоте была традицией. Еще в Красногорском и Выборгском сражениях в 1790 году участвовал Иван Николаевич Бутаков, произведенный в 1848 году в вице-адмиралы. Его сыновья Иван, Владимир, Алексей, Григорий стали адмиралами русского флота, а Дмитрий умер от ран при обороне Севастополя в 1854—1855 годах.

Выдающимся деятелем русского флота новой эпохи — эпохи парового броненосного флота — был Григорий Иванович (1820—1882). Знаменитый адмирал Лазарев выбрал его своим флаг-офицером. Командуя затем тендером «Поспешный», Григорий Иванович выполнил большую работу по описанию берегов Черного моря и составил первую лоцию этого моря. Став в 1867 году во главе первой броненосной эскадры Балтийского флота, адмирал Г. И. Бутаков проявил себя смелым новатором, военно-морским деятелем с широким теоретическим кругозором, разработал «новые основания пароходной тактики».

Адмирал Г. И. Бутаков.

Сыновья Григория Ивановича Александр и Алексей также всю свою жизнь провели на флоте. Алексей Григорьевич был последним командиром Петербургского порта в царском флоте. Я, внук Григория Ивановича, участник первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн. Мне довелось защищать Петроград в 1919 году на эскадренном миноносце «Гавриил». Мой сын Александр — правнук Григория Ивановича, лейтенант, в 1943 году погиб на Балтике смертью храбрых, защищая Ленинград с моря.

Г. А. БУТАКОВ,
капитан первого ранга в отставке.

Русский балет

В. КРАСОВСКАЯ

Фото Д. Трахтенберга, Б. Уткина и П. Федотова.

«Гаянэ» в Государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова.

Немногими годами позже основания Петербурга двенадцать русских девочек и двенадцать русских мальчиков были отданы в науку иноземному учителю — для обучения «театральному танцованию». Так было положено начало петербургской балетной школе и балетному театру. Впоследствии им предстояло завоевать мировую славу. Не прошло и двадцати лет, а один из питомцев школы, танцовщик Тимофей Семенович Бубликов, уже с успехом гастролировал в Вене.

«Спартак» в Государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова.

Но подлинный расцвет петербургского балета наступил в XIX веке, когда русская сцена стала привлекать лучших хореографов и танцовщиков мира.

Около столетия протекал этот процесс взаимного обмена художественными ценностями с деятелями зарубежной хореографии. Именно на петербургской сцене обрели жизнь грандиозные замыслы Шарля Дидло, стремившегося сочетать в танце классическую ясность и романтическую возвышенность. Эти замыслы воплощали современники и ученики Дидло — Евгения Колосова, Мария Данилова, Авдотья Истомина, Екатерина Телешева, Николай Гольц и многие другие. Мариусу Петипа выпала честь полвека руководить балетной труппой петербургского театра, сотрудничать с Чайковским и Глазуновым, развить до высоких пределов искусство классического танца.

В течение столетия на балетной сцене Петербурга выступали самые прославленные танцовщицы Европы. Для каждой встреча с русским зрителем была серьезной проверкой, каждая отдавала дань восхищения талантам и мастерству русских артистов. Теофиль Готье, чья биография тесно связана с историей французского романтического балета, посетив в конце 50-х годов прошлого века Петербург, писал: «Их Консерватория танца поставляет замечательных солистов и кордебалет, не знающий равных».

Высокую исполнительскую культуру, содержательность танца демонстрировали представители петербургского балета и за рубежом. В начале 40-х годов XIX века на сцене Большой Оперы Парижа и в Брюсселе дебютировала Татьяна Смирнова. Вслед за нею в Париже, Лондоне и Милане выступала Елена Андреянова. Обширная пресса отмечала, что «успех русской Терпсихоры» был «немалой угрозой лучшим представительницам балета Франции и Италии». Позднее слава Надежды Богдановой прогремела по Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии. Зинаида Ришар, Мария Суровщикова-Петипа, Марфа Муравьева соревновались с артистами западного театра на их территории. Но к 70-м годам и дальше западный балет пришел в упадок, и русский балет остался без серьезных соперников.

В Петербурге были поставлены «Спящая красавица» и «Щелкунчик», впервые нашло полноценное воплощение «Лебединое озеро» Чайковского. На рубеже XIX—XX веков появились «Раймонда» и маленькие балеты Глазунова. Тогда же русский балет обрел замечательных хореографов, воспитанников петербургской школы: представителя старшего поколения Льва Иванова, которого академик Асафьев по праву назвал душой русского балета конца XIX века, Александра Горского и Михаила Фокина. А вскоре весь мир заговорил о небывалом чуде, когда на сцене театра Шатле в Париже петербуржцы Анна Павлова, Тамара Карсавина, Вацлав Нижинский и другие выступили в первых «русских сезонах». Теперь уже русским артистам принадлежала миссия возрождения хиревшего в ту пору на Западе балетного искусства, и они достойно выполнили ее.

Традиции преданного служения искусству ленинградский балет пронес через суровую проверку временем. Большие мастера, чьи имена не изгладятся из памяти потомков, в годы революции и гражданской войны, сохраняя и развивая традиции русской школы, накрепко связали балетный театр с новым, революционным зрителем.

Агриппина Яковлевна Ваганова за тридцать лет своей работы в советском балете выпустила три поколения танцовщиц балетной сцены Москвы, Ленинграда и других городов нашей многонациональной страны. Всему миру известны ее ученицы — М. Семенова и Г. Уланова; они первые влили новое содержание в веками складывавшиеся формы классического танца, наполнили его лирику и героику интонациями современности. Ученицы первых вагановских выпусков О. Иордан, Т. Вечеслова, Ф. Балабина и другие передают сейчас молодежи традиции высокого мастерства в классах Хореографического училища, в репетиционных залах Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова и Малого оперного.

Образы большой художественной силы создают Н. Дудинская и А. Шелест. За ними следует длинный ряд танцовщиц — вагановских учениц,— заканчивающийся именами совсем еще молодых И. Колпаковой и А. Осипенко. Что же касается характерного танца, то опыт русской школы здесь закрепили и новаторски продолжили А. Ширяев, А. Бочаров и А. Лопухов — из большой балетной семьи Лопуховых, прославленной творческими трудами Федора Васильевича, выдающегося советского постановщика. Вряд ли сыщется в Ленинграде балетмейстер, даже из самых моло-

дых, не испытавший влияния его творческих поисков. Лопухов-старший и сейчас передает свой многолетний опыт молодым мастерам...

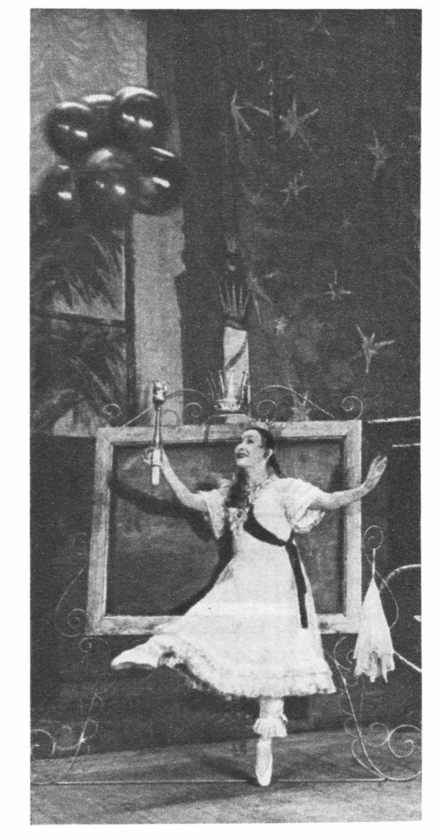
И в годы Великой Отечественной войны и особенно по возвращении из эвакуации ленинградские театры ставят новые спектакли, училище ежегодно выпускает театральные пополнения.

На сцену приходит современная тематика. В Театре имени Кирова осуществлены постановки балетов «Гаянэ» А. Хачатуряна, «Татьяна» А. Крейна, «Родные поля» Н. Червинского. В Малом оперном Б. Фенстер поставил «Юность» М. Чулаки. Не все эти спектакли были равноценны по своим достоинствам, но все в той или иной мере воплощали образы советской эпохи.

Сколько бы раз ни исполнялись в сезоне «Спящая красавица» или «Жизель» с Н. Дудинской и К. Сергеевым в главных ролях, зритель штурмом брал билетные кассы. В старинной «Баядерке» и молодой «Лауренсии» Н. Дудинская, А. Шелест, Б. Брегвадзе выходили на аплодисменты к рампе едва ли не до тех пор, пока рабочие сцены не начинали ставить за занавесом декорации завтрашнего спектакля. В «Дон-Кихоте» соревновались Н. Дудинская и К. Сергеев, О. Моисеева и А. Макаров, Н. Кургапкина и Б. Брегвадзе. В «Жизели», «Ромео и Джульетте», «Бахчисарайском фонтане», «Медном всаднике» появлялась перед ленинградцами драгоценная московская гостья — Уланова. В «Лауренсии», «Дон-Кихоте», «Баядерке» и «Жизели» выступал Вахтанг Чабукиани.

Балетмейстеры Ленинграда не переставали пробовать свои силы в новых постановках, обращаясь преимущественно к сказочной тематике: сказке о Золушке на музыку С. Прокофьева, татарской сказке «Шурале» Ф. Яруллина и норвежской — «Сольвейг» (музыка Э. Грига) и другим. В этих спектаклях наряду с мастерами уверенно заявляла о себе талантливая молодежь.

Этапной постановкой стал балет В. Соловьева-Седого «Тарас Бульба», поставленный Б. Фенстером на сцене Театра имени Кирова. Народная мощь гоголевского эпоса, задушевность его лирики, прозрачность юмора возникли в поэтических образах этого спектакля. В «Тарасе Бульбе» вновь наглядно раскрылись возможности труппы, имеющей, как и сто лет тому назад, «замечательных солистов и кордебалет, не знающий равных». Патриотическую поэму о любви и верности, о ненависти и мести создал театр в монументальных пластических образах.

«Двенадцать месяцев» в Малом оперном театре. Сцена из 1-го действия. В роли королевы — заслуженная артистка РСФСР Г. Исаева.

В нынешнем сезоне ленинградский балет выпустил сразу четыре премьеры. Самое их различие свидетельствует о богатстве возможностей.

Балет-комедия «Голубой Дунай» поставлен в Малом оперном театре на музыку Штрауса. Сама музыка, определяя общий светлый колорит, создает живую атмосферу спектакля. Танец на сцене возникает непринужденно, в нем как бы завязываются конфликты, обозначаются характеры. Широко применяя танцевальные диалоги, сольные и массовые танцы, балетмейстер Б. Фенстер умело пользуется и дивертисментным номером, который, словно веселая шутка, перебивает лирические раздумья героев. В широком потоке танцев утверждается главная тема спектакля: творчество — основа жизни, ее радость.

Другой показанной в мае премьерой Малого оперного театра была «Ивушка» О. Евлахова в постановке Н. Анисимовой. Старинная сказка о Маше и Чудище предстает здесь в веселом и нарядном обличье.

В середине сезона Театр имени Кирова показал в постановке Л. Якобсона балет А. Хачатуряна «Спартак». Историю знаменитого восстания римских рабов авторы спектакля передали в приемах монументального зрелища. Толпы народа, встречающие войска, кровавые игры античного цирка, пышные празднества порой оттесняют на задний план фигуру главного героя восстания; избыток подробностей, пестрота и громоздкость фона лишают спектакль целеустремленности. Зато эпизодические и массовые сцены демонстрируют ту высокую культуру, которая приобретается преемственностью векового опыта и непрерывным художественным развитием.

То же высокое мастерство, но уже в спектакле совсем другого жанра обнаруживается во второй премьере Театра имени Кирова — балете «Каменный цветок» С. Прокофьева. Этот спектакль подготовлен к VI Всемирному фестивалю молодежи. Балетмейстер Ю. Григорович, художник С. Вирсаладзе задумали его как лирический.

Эта первая большая работа молодого балетмейстера примечательна еще и тем, что его замысел воплощают молодые исполнители.

Сейчас Театр имени Кирова репетирует новый балет Кара Караева — «Тропою грома» (балетмейстер — К. Сергеев). Новые постановки готовит и Малый оперный театр. Словом, начало третьего столетия жизни ленинградского балета свидетельствует о том, что в жилах «почтенного старца» бурлит молодая, живая кровь.

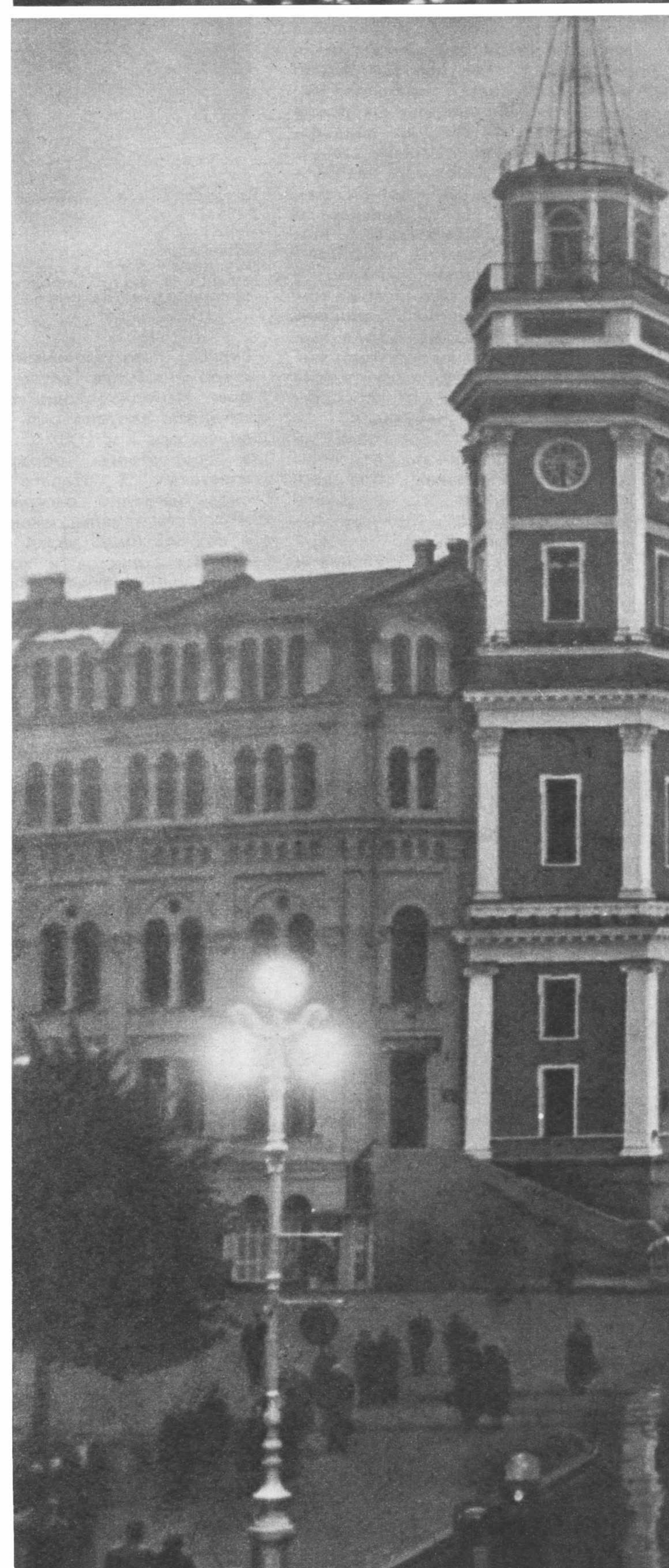

«Медный всадник» в Государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Параша — народная артистка РСФСР Н. Дудинская. Евгений — народный артист РСФСР К. Сергеев.

«Юность» в Малом оперном театре. Лена — С. Шеина, Петя — В. Тулубьев.

Когда наступают белые ночи...

Михаил ДУДИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ и Б. УТКИНА.

И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

Белые ночи! Так их воспел Пушкин. О них писали Гоголь и Достоевский, Некрасов и Одоевский и, конечно, Блок.

Но хватит истории. Что написано, уже существует, это можно прочитать. Посмотрим лучше на фотографии, сделанные незадолго до выхода журнала, номер которого вы держите в руках. Как бы ни были хороши фотографии, они не могут передать всего трепета молочной дымки воздуха, нежного перехода красок, запаха свежих листьев и тишины города, очарованного какой-то великолепной грезой. Тот, кто хоть раз видел в Ленинграде белые ночи, почувствует их прелесть и в этих снимках, а тот, кто не видел, тому придется немного воодушевиться и вообразить. Надо только влюбиться в ленинградские белые ночи, а не влюбиться в них нельзя!

Попробуем же с этим чувством влюбленности в белые ночи и с небольшой долей воображения заглянуть сейчас в наш город.

Вот Невский — главная магистраль Ленинграда, его живая артерия. Он прям, как полет стрелы, и широк, как песня. Над ним бледно-золотистое небо, и на фоне неба, на фоне отчеканенных зданий и притихших деревьев круглые матовые луны фонарей, строенных как колокольчики ландыша на одном стебле. Фотокорреспонденты засняли Невский в ту белую июньскую ночь, когда в последний раз, и всего лишь на один час, вспыхнули огни фонарей.

У каждого есть своя традиция. Есть она и у ленинградских школьников. После экзаменов они идут встречать белые ночи на набережную Невы, взявшись за руки, с тихой песней. То идет сама юность, наше будущее. Пусть их жизнь будет такой же широкой и свободной, как Нева!

Нева! Этот снимок сделан с крыши Зимнего дворца. Посмотрите на ее просторную, легкую гладь, на маслянистую волну, поднятую винтом заблудившегося или запоздавшего к своей гавани пароходика. Это и есть поэзия белых ночей!

Скрип уключин над водой любимых ленинградцами Кировских островов не вспугнет тишины...

Это в сонной воде опрокинуты белые ночи,—
Все влюбленные мира завидуют этим ночам!

СМОТРИТЕ

Открытие сезона 1957 года.

НЕВСКАЯ ФЛОТИЛИЯ

Н. ШАГИН

Фото Л. Коровина.

Бомбардир поднес огонь к запалу, и маленькая бронзовая пушка, вздрогнув, исторгнула дым и пламя. Гул выстрела прокатился над Малой Невкой. Послышались энергичные возгласы команд, забегали матросы, вверх по мачтам поползли, набухая ветром, паруса. И вот уже на воде вырос белый город. Флотилия величаво-стройных судов устремилась в залив, навстречу морским ветрам.

Открыл свою очередную навигацию Ленинградский яхт-клуб.

Яхтсмены считают себя старейшими спортсменами России. И не без оснований. В 1718 году Петр I организовал в молодом, только что рождавшемся городе первый яхт-клуб, названный «Невской флотилией». Заботясь о развитии мореплавания, Петр видел в этом начинании способ «приохотить» «служилых» людей и их детей к морю. По его распоряжению разным лицам было роздано бесплатно 141 парусное судно. Владельцы их должны были в определенные дни выходить в Невскую губу и там обучаться управлению судами.

Начинание Петра претерпело дальнейшую трансформацию. Парусный спорт стал привилегией петербургской знати: он был доступен только владельцам собственных яхт.

Жизнь нынешнего Ленинградского яхт-клуба совсем иная.

К вечеру на Петровский остров со всех концов города Ленина приезжают члены клуба. Вступив на территорию острова, слесари и разметчики, студенты и школьники, ученые и артисты превращаются в рулевых, капитанов малого плавания, яхтенных матросов.

На острове больше, чем где бы то ни было, ощущаешь, что Ленинград — морской город, город славных морских традиций. Петровский остров лежит там, где невские воды сливаются с водами Финского залива. Воздух здесь напоен запахом моря, и дышится тут легко. В тихой гавани высится лес мачт. На легкой речной волне покачиваются яхты: «Рубин», «Баллада», «Легенда», «Радуга»... Невольно поддаешься обаянию морской стихии и начинаешь понимать, почему люди, однажды пришедшие сюда, надолго заболевают «морской болезнью».

Детская парусная школа. Перед выходом в море.

Этот шутливый термин применил, разговаривая со мной, начальник яхт-клуба Кир Николаевич Иванов.

Мы стоим с этим коренастым, широкоплечим человеком на берегу гавани, и он знакомит меня с «биографией» яхт, проплывающих перед глазами.

Вот с залива стремительно идет швертбот. Резкий ветер, врываясь с моря, налетает на утлое, верткое суденышко. Парус кренится, вот-вот коснется гребня волны. Трудно, должно быть, приходится экипажу.

— Ничего, справятся, — говорит Кир Николаевич. — Рулевой опытный, десятый год под парусами ходит.

И действительно, экипаж искусно справляется с ветром, яхта выпрямляется и плавно подходит к пирсу.

Опытный «морской волк», в мастерство которого так безапелляционно верит начальник клуба, оказывается стройной черноглазой девушкой. Ей лет двадцать. И все же «морской стаж» у Татьяны Поповой действительно солидный.

Одиннадцатилетней девочкой пришла Таня со своим отцом — старым яхтсменом Николаем Николаевичем Поповым — в клуб. И тут выяснилось, что морскому делу «все возрасты покорны»...

Сейчас Татьяна Попова — одна из лучших яхтсменок Ленинграда. Четыре года подряд девушка завоевывает звание чемпионки Ленинграда.

Самое любопытное во всей этой истории, пожалуй, то, что увлечение парусным спортом определило и жизненное призвание девушки. Окончив среднюю школу, Таня поступила в Кораблестроительный институт. Сейчас она уже учится на пятом курсе. Еще год — станет она инженером-кораблестроителем.

Когда я беседовал с Таней Поповой, к нам подошел солидный мужчина в форменной фуражке. Он с какой-то особой заинтересованностью слушал рассказ Тани. Он услышал как бы кусочек собственной биографии.

В 1923 году в Саратове, на Волге, ходил под парусами девятилетний яхтенный матрос Сережа Ухин. Затем морской техникум, Ленинградский кораблестроительный институт, Академия морского флота... И все эти годы учебы — увлечение парусным спортом, участие в дальних морских походах, в соревнованиях. Видный инженер-кораблестроитель Сергей Иванович Ухин в свободное время занимается и конструированием спортивных яхт. Под вымпелом яхт-клуба ходит немало судов, созданных по его чертежам.

...У одного из причалов покачивается на волне большая крейсерская яхта «Двина». В прошлом году она совершила дальнее плавание. Приурочив свой отпуск, экипаж ее отправился в поход из Ленинграда в Стокгольм. На яхте были люди самых различных профессий. Архитектору А. А. Яковлеву, инженерам М. И. Бардину и В. П. Грибанову, механику одного из заводов Н. И. Матвееву и другим членам экипажа пришлось делить трудности дальнего похода, выдержать суровую борьбу со штормом, налетевшим в открытом море.

Сильных, смелых, выносливых людей воспитывает парусный спорт.

Триста вымпелов насчитывает сейчас флотилия яхт-клуба. Но дело не только и не столько в количестве. За последнее время спортивный флот пополнился новыми первоклассными яхтами, которые сооружает расположенная на том же Петровском острове судоверфь. Сергей Иванович Ухин сказал мне, что заканчивает сейчас чертежи яхты международного класса «Р-5,5». В ее конструкции учтены все новейшие данные, и она должна обладать отличными гоночными качествами.

Большие надежды возлагает актив клуба на детскую парусную школу. Ведь здесь сейчас занимаются 250 юных спортсменов. Сколько из них может выйти не просто хороших, но и очень талантливых яхтсменов!

На город спустилась короткая летняя ночь. У пирса стоит нежно-зеленая яхта «Мальва» — ветеран дальних походов. Звучит команда:

— Экипаж, по местам!

С поднятыми парусами бесшумно скользит яхта, оставляя серебристую дорожку. Начался очередной дальний поход.

— Счастливого плавания! — напутствуют с берега.

Таня Попова считает, что после гонок можно отдохнуть в тихой бухте.

А. А. Никифорова выехала к друзьям

А. Никифорова и Л. Конникова.

В № 48 «Огонька» за прошлый год был напечатан очерк И. Аграновского и А. Старкова «Летопись мужества и борьбы». Он вызвал множество откликов, присланных редакции журнала и героине очерка, врачу ленинградской больницы имени Боткина Антонине Александровне Никифоровой, которая мужественно вела себя в гитлеровском лагере Равенсбрюк. Нашлись те, кто долгие годы после войны искали «доктора Антонину» и кого она искала.

В очерке рассказывалось, в частности, о подвиге Любы Конниковой, которая, несмотря на пытки и издевательства гитлеровцев, отказалась работать на военном заводе. Дальнейшая судьба ее была неизвестна. «Где вы сейчас, товарищ Конникова?» — спрашивали авторы. И она нашлась, написала о себе Антонине Александровне: живет в Туле, работает врачом в городской больнице... А вскоре Конникова и Никифорова встретились, приехав в Москву на собрание врачей, бывших военнопленных. Трогательной была встреча двух подруг, зафиксированная нашим фотокорреспондентом.

Номер «Огонька» с очерком «Летопись мужества и борьбы» дошел до зарубежных подруг Никифоровой по лагерю Равенсбрюк, и они прислали ей теплые, проникновенные письма. В числе других написала и Эрика Бухман, немецкая коммунистка, о героическом поведении которой говорилось в очерке. Она пригласила Антонину Александровну приехать в Берлин. А затем пришло и официальное приглашение от Немецкого Комитета бывших заключенных женского концлагеря Равенсбрюк.

На днях А. А. Никифорова выехала из Ленинграда в Германскую Демократическую Республику, где встретится со своими друзьями.

Юбилейный шуточный репортаж

Лев ГАВРИЛОВ, Вольт СУСЛОВ

Рисунки В. и А. ГАЛЬБА, Б. СЕМЕНОВА.

Поднимемся на старый Исаакий...
Балтийский ветер здесь
колюч и яр.
Над нами облаков седая накипь,
А перед нами город-юбиляр.

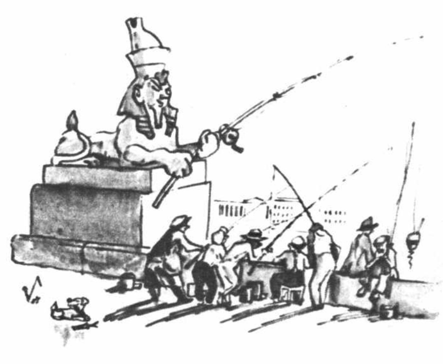

С зарею входит в город
день рожденья.
У памятника стайкой детвора.
И Петр Великий принял
поздравленья
От маленького мальчика Петра.

Здесь пир горой! Здесь тамада
известный!
Он кубки наполняет чередой
И угощает юбилейной пресной
И все-таки пьянящею водой.

Недавно Аполлон заметил
с крыши:
— Артист Черкасов многого
достиг,
Поэтому я лавры поднял выше,
А то решит, что некуда расти.

Несет «Невы державное
теченье»
Флотилии уснувших поплавков...
Немые сфинксы сражены
терпеньем
Упрямых ленинградских рыбаков.

Нева задета крыльями рассвета,
У входа в порт погасли маяки.
Влюбленные стоят у парапета
«На якоре», как шутят моряки.

По праздничным проспектам
и бульварам
Электротройка мчит во весь опор.

Писателям, воспевшим юбиляра,
Везде зажжен зеленый светофор.

Еще одно сказать нам надо,
Заканчивая этот репортаж,
Что занесен в трудкнижку
Ленинграда
250-летний стаж!

Случай в Летнем саду

БАСНЯ О БАСНЕ

Борис ТИМОФЕЕВ

Однажды в Летний сад пришел пиит,
К дидактике имевший аппетит...
Он, миновав ассортимент богатый
Классических богов и прочих статуй,
Направился туда, где меж стволов
Сидел высоко бронзовый Крылов
С большою книгою среди звериной свиты.
Пришлец откланялся и молвил деловито:
— Иван Андреевич! Уже не первый год
Сомнение одно меня гнетет...
Всегда клеймили басенные строки
Людские недостатки и пороки,
Иносказательно давая мир идей.
Но ведь пороки те же у людей
Из века в век! А между тем
Явились новые сатирики-поэты,
Ища для басен свежие сюжеты...
А ну как им не хватит новых тем?..
Не поднимая глаз от фолианта
И не желая тратить лишних слов,
Ответил внятно дедушка Крылов:
— Тем хватит всем. Хватило бы таланта!

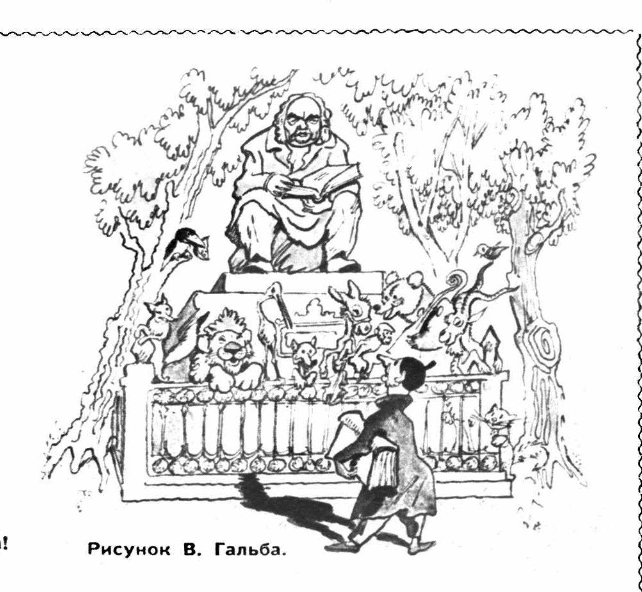

Рисунок В. Гальба.

«Телеграфический домик»

На крыше Зимнего дворца, в той его части, которая обращена к зданию Адмиралтейства, примостилась небольшая башня, напоминающая закрытую беседку. Башня, сооруженная в сороковых годах прошлого века,— своеобразный памятник развития средств связи. Это так называемый «телеграфический обсервационный домик». Семафорный телеграф служил в прошлом веке для связи Петербурга с Царским селом, Гатчиной, Кронштадтом и даже с Варшавой.

Сообщения передавались с помощью особого сигнального механизма, помещенного на хорошо видном издалека месте, обычно на высокой специальной башне. Главной частью семафорного телеграфа являлась Т-образная рама, укрепленная на оси. Особым приводом раме придавались различные положения,

каждое из которых соответствовало определенному условному знаку.

Между пунктами отправления и приема телеграмм устанавливалось несколько промежуточных башен-станций, оборудованных этими механизмами. Расстояние между станциями выбиралось такое, чтобы сигнал был виден с помощью подзорной трубы. Так, передача сообщений из Петербурга в Варшаву осуществлялась через 149 промежуточных станций, каждая из которых была в семнадцать метров высотой. Несмотря на все сложности, многословные телеграммы передавались на большие расстояния за несколько минут.

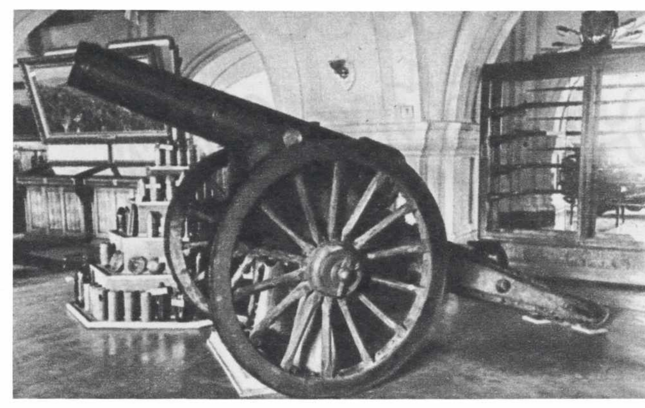
Для ночных передач на концах рамы зажигались фонари.

Конструкция семафорного телеграфа, работавшего в России, принадлежала французу Шато. Правительство России предпочло купить схему оптического телеграфа за границей, не использовав нескольких оригинальных отечественных, в том числе телеграф системы Кулибина, изобретенный им еще в 1794—1795 годах, который по идее мало чем отличался от телеграфа Шато.

А. РЫСКИН

На вкладках этого номера репродукции картин И. Бродского «В. И. Ленин в Смольном», В. Серова «Ждут сигнала», В. Викулова «Ленинградский пейзаж», В. Серова «Петр I» и четыре страницы цветных фотографий.

ВЫСТРЕЛ С ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Пушка Петропавловской крепости в Артиллерийском музее.
Фото В. Киселева.

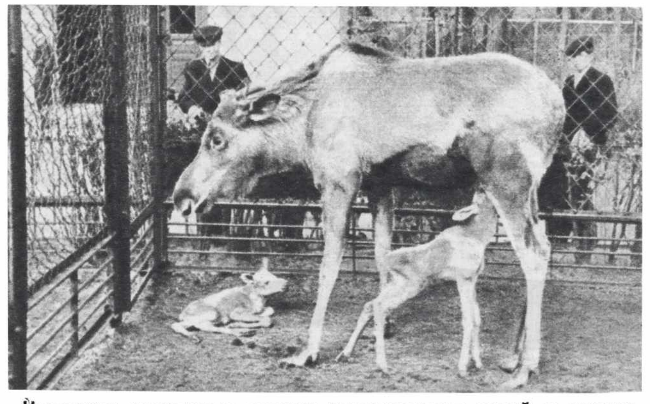
При Петре I петербуржцы узнавали о наступлении полдня по игре курантов—часов с тридцатью пятью колоколами, которые были вывезены из Голландии и установлены на колокольне Петропавловской крепости. Позднее, когда город разросся и его жителям понадобилось точное время, на одном из бастионов Адмиралтейства была установлена пушка. Она стреляла ровно в полдень; канониры узнавали время по сигналу с противоположного берега Невы — из астрономической обсерватории над Кунсткамерой. Обсерватория была перенесена в Пулково, и астрономические часы связывал со зданием Адмиралтейства электрокабель. Отсюда шел провод к пушке. В двенадцать часов происходило короткое замыкание, и пушка, выполняя приказ Пулкова, стреляла.

Адмиралтейский двор постепенно застраивался. В 1873 году пушка была установлена на Нарышкинском бастионе Петропавловской крепости. С этого времени пушка Петропавловской крепости возвещала полдень по 1938 год. Потом она была передана в Артиллерийский музей, где и хранится сейчас.

Горисполком Ленсовета принял решение восстановить традиционный пушечный выстрел из Петропавловской крепости. На правом фланке Нарышкинского бастиона установлены две гаубицы образца 1943 года. Впервые после длительного перерыва полуденный выстрел Петропавловской крепости прогремит 23 июня.

Н. ХРАБРОВА

Лосята

Известны некоторые случаи размножения лосей в неволе. В 1938 году родился лосенок в Молотовском зоопарке, незадолго перед войной — в зоопарке Стокгольма, позже несколько раз размножались лоси в Берне. Недавно редкое событие произошло в Ленинградском зоопарке: там родились сразу два лосенка.

Родители лосят — «Находка» и «Мишка» — воспитаны в зоопарке. «Находку» подобрал в придорожной канаве и доставил в зоопарк шофер, «Мишку» нашли в лесу солдаты. «Находке» в этом году исполнилось шесть лет, «Мишке» — пять. Оба лося совсем ручные и сильно привязались к старшей работнице оленника Ф. А. Екимовой, которая выкормила их из соски.

Обычно в зоопарке не часто увидишь лося, хотя в лесах их немало. Дело в том, что взрослые лоси почти не переносят неволи, отказываются от самых лакомых кормов и, как правило, погибают от голода. Чтобы завести в зоопарке лосей, необходимо здесь их вырастить, причем, став взрослыми, они плохо едят концентраты и сено, требуют очень много свежего веточного корма. Ленинградскому зоопарку удалось преодолеть эти трудности.

«Находка» оказалась очень заботливой матерью. Она почти не отходит от своих лосят, бесконечно облизывает их и десятки раз в день кормит. Забота о лосятах отнимает у нее так много времени, что самой ей некогда поесть.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Ю. Левковича.

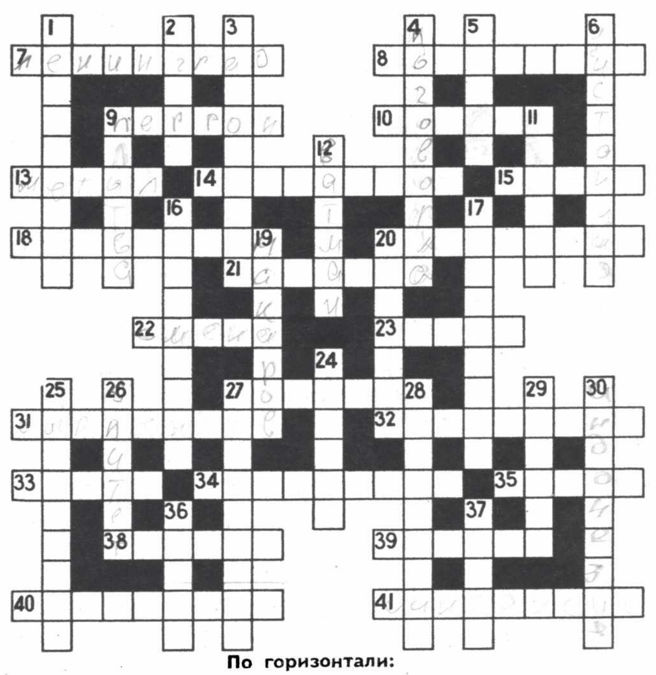
Портрет Петра I

Среди немногочисленных портретов молодого Петра I имеется подписной офорт русского художника Алексея Зубова, выполненный им по собственному рисунку с натуры. Портрет украшает географическую карту Европы, которую можно датировать 1708 годом. Один экземпляр карты хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В. МАКАРОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Город-герой. 8. Русский полководец XVII века. 9. Железнодорожная платформа. 10. Советский физик, изобретатель в области телевидения. 13. Мелкокристаллический порошок, проявляющее вещество в фотографии. 14. Пьеса Бернарда Шоу. 15. Денежная единица некоторых европейских государств. 18. Испанский писатель. 20. Завершение. 21. Выступ на ободе железнодорожного колеса. 22. Советский журнал. 23. Сорт изюма. 27. Полет под углом после удара о поверхность. 31. Гриб. 32. Действующее лицо в «Слове о полку Игореве». 33. Роман Э. Ожешко. 34. Племенной совхоз в Костромской области. 35. Обобщенное сообщение. 38. Льняная или конопляная солома. 39. План сооружения. 40. Вид спорта. 41. Часть грамматики.

По вертикали:

1. Огородное растение семейства зонтичных. 2. Красная утка. 3. Устройство для отопления помещений. 4. Краткое и меткое народное изречение. 5. Азербайджанский народный поэт. 6. Расстояние. 9. Пресноводная рыба. 11. Персонаж оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 12. Толстая бумага. 16. Военнослужащий, ведающий хозяйственным снабжением войск. 17. Человек, действующий с воодушевлением, подъемом. 19. Русский флотоводец. 20. Древнегреческая эпическая поэма. 24. Приток Дуная. 25. Румынский писатель. 26. Образное определение, придающее речи особую выразительность. 27. Направление в литературе, искусстве. 28. Горная порода, строительный материал. 29. Дебют с жертвой пешки или фигуры. 30. Государство в Азии. 36. Разовое действие. 37. Малая планета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

5. Башкирия. 7. Тубероза. 11. Неожиданность. 12. Янка. 15. Фарс. 16. Ортоцентр. 17. Зной. 19. Изюм. 21. Кемерово. 22. Матросов. 23. Дидактика. 25. Осло. 27. Жэхэ. 28. Гопак. 30. Овчарка. 31. Австрия. 32. Скакун. 33. Сафьян.

По вертикали:

1. Ушинский. 2. Химия. 3. Зурна. 4. Кольраби. 5. Белая. 6. Итог. 8. Ейск. 9. Абрис. 10. Кальцит. 13. Оратория. 14. Атлетика. 18. Отечество. 20. Зоотехник. 24. Капри. 26. Одарка. 27. Житняк. 28. Гафури. 29. «Казаки».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05267. Подписано к печати 19/VI 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 600. Заказ № 1482.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ленинград. Стрелка Васильевского острова.

Фото Б. Уткина.

Цена номера 3 руб.